

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 31 октября 2025 г.

ВЫПУСК 18

Волгоград
ВА МВД России
2026

УДК 347(082)
ББК 67.404я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

- Актуальные** проблемы частного и публичного права : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 31 октября 2025 г. / редколлегия : Н. В. Котельников, Н. И. Батурина, Т. О. Сапрыкина, С. Б. Цветков. – Выпуск 18. – Электрон. дан. (1,16 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows XP SP3 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 1,16 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 x 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7899-1676-6

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права» (октябрь 2025 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347(082)
ББК 67.404я43

Редакционная коллегия: Н. В. Котельников (председатель), Н. И. Батурина (зам. председателя), Т. О. Сапрыкина (отв. секретарь), С. Б. Цветков.

ISBN 978-5-7899-1676-6

© Волгоградская академия МВД России, 2026

Трансформация обязательственных правоотношений под влиянием цифровых технологий

Согласно ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) обязательство – это гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (например, передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, уплатить деньги) либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника этой обязанности.

Обязательственные правоотношения играют ключевую роль в жизни общества, поскольку они придают правовую форму экономическому обороту, юридически оформляя движение материальных и иных благ: передачу вещей из владения одного лица в собственность или в пользование другого, выполнение различных работ, оказание услуг, а также возмещение ущерба, если он был причинен. Понимание природы обязательства служит основой для осознания его экономической обусловленности, познания закономерностей динамики обязательственных правоотношений, усвоения фундаментальных принципов исполнения и специфики ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение [1, с. 33].

Современный этап развития общественных отношений характеризуется внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности, в том числе сферу гражданско-правового регулирования [2], что выступает причиной трансформации сложившихся гражданско-правовых институтов, например, виртуализации имущества, появления цифровых прав и др.

А. Ю. Толкачев и М. Б. Жужжалов под виртуализацией имущества понимают переход от подчинения правоотношений юридическим фактам к определению правоотношений посредством записей [3, с. 91]. Это означает, что если в классической модели обязательство возникает, изменяется или прекращается в силу реальных жизненных обстоятельств (подписания договора или передачи вещи), то в условиях цифровизации определяющее значение приобретает не столько сам

факт реальной действительности, сколько его достоверная фиксация в информационной системе.

Стремительное развитие технологий обусловило формирование особых видов обязательственных отношений, складывающихся по поводу цифровых активов и реализуемых с использованием электронных платформ и смарт-контрактов. Темпы технологического развития нередко опережают законотворческую активность, что влечет за собой возникновение правовой неопределенности.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» введена ст. 141.1 ГК РФ, определившая цифровые права как обязательственные и иные права, осуществляемые по правилам информационной системы. Таким образом, законодатель нормативно закрепил существование обязательств в цифровой среде, исходя из того, что запись в информационной системе способна порождать те же правовые последствия, что и традиционные юридические факты.

Упомянутым законом ст. 309 ГК РФ была дополнена положением, допускающим исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без выраженного дополнительного волеизъявления сторон посредством применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Указанная норма ввела в правовое поле новый способ обеспечения исполнения обязательств, которым стало применение информационных технологий, что создало необходимую основу для легального использования смарт-контрактов. А п. 2 ст. 434 ГК РФ в новой редакции письменная форма договора была признана соблюденной при составлении электронного документа, подписанного сторонами, или обмене электронными документами либо иными данными.

Применение указанных норм подтверждается судебной практикой. Так, решением Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019 были удовлетворены исковые требования о взыскании задолженности по договору поставки. Стороны заключили дополнительное соглашение, предусматривающее возможность оформления приложений к договору в виде электронного документа, который они наименовали «блокчейн-контрактом». Порядок заключения предполагал направление оферты по электронной почте и признание молчания покупателя акцептом при отсутствии отказа в установ-

ленный срок. Удовлетворяя иск, суд указал, что стороны согласовали порядок электронного взаимодействия; представленные скриншоты подтверждают направление оферты, а ответчик, не заявив отказ и приняв товар, считается акцептовавшим условия приложений. Рассмотренное дело свидетельствует о признании института смарт-контрактов в российском правовом порядке.

Вместе с тем в доктрине гражданского права отсутствует единый подход к пониманию правовой природы смарт-контракта.

А. Ю. Чурилов трактует смарт-контракт как договорное соглашение, выраженное в едином волеизъявлении двух или более сторон, которое существует исключительно в распределенной сети (например, блокчейне) в форме программного кода [4, с. 46].

Иного подхода придерживается К. М. Арсланов, который утверждает, что смарт-контракт не следует рассматривать только как код, закрепленный в блокчейне, или как договор [5].

Указанная дискуссия обусловлена отсутствием законодательного определения смарт-контракта, несмотря на предпринимавшиеся попытки его легального закрепления. В проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах» предлагалось определить смарт-контракт как договор в электронной форме, исполнение обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре. Однако данное определение не вошло в окончательную редакцию Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Пробелы в гражданско-правовом регулировании отношений, складывающихся по поводу использования технологии распределенного реестра и смарт-контрактов, порождают ряд существенных проблем на практике. Например, невозможность однозначно определить правовое положение участников таких обязательств, затруднение при установлении момента их возникновения и прекращения.

Подтверждающим примером из судебной практики служит постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 г. № Ф06-3649/23 по делу № А55-7445/2022. Истец требовал понудить ответчика к исполнению договора купли-продажи автомобиля, ссылаясь на заключение соглашения с использованием технологии смарт-контракта. Суды трех инстанций отказали в иске, указав, что пред-

ставленные истцом скриншоты не позволяют идентифицировать стороны и содержание соглашения. При этом суд фактически не дал оценки природе смарт-контракта, ограничившись применением общих положений о заключении договора. Это дело иллюстрирует, что суды часто подходят к рассмотрению споров, связанных со смарт-контрактами, с позиций традиционных норм обязательственного права, не вырабатывая критериев оценки таких отношений.

С развитием цифровых технологий широкое распространение получили click-wrap-соглашения, используемые при заключении договоров оказания услуг, купли-продажи, а также иных обязательств.

Законодательное определение click-wrap-соглашения в настоящее время отсутствует, однако в науке гражданского права под таким соглашением понимается договор, заключаемый в цифровом пространстве путем присоединения к оферте, содержащейся на интернет-сайте, посредством проставления «галочки» или нажатия кнопки, подтверждающей согласие [6, с. 432].

Вместе с тем согласно Информации Роспотребнадзора от 5 ноября 2020 г. «Об особенностях click-wrap-соглашений» сам по себе факт проставления потребителем «галочки» или нажатия кнопки согласия при заключении click-wrap-соглашения не является достаточным доказательством того, что волеизъявление было свободным и осознанным.

В этой связи интерес представляет решение № 2-2387/2022 от 22 августа 2022 г. Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область), иллюстрирующее подход судов к проблеме навязывания дополнительных услуг через click-wrap-соглашения. Истец при покупке авиабилетов на сайте ответчика из-за технического сбоя не имела возможности ознакомиться с условиями, однако ею были автоматически подключены и оплачены дополнительные услуги (телемедицина и страхование) путем заранее проставленных «галочек». Суд, удовлетворяя иск, применил информацию Роспотребнадзора от 5 ноября 2020 г. «Об особенностях click-wrap-соглашений», согласно которой наличие заранее проставленных отметок не свидетельствует об осознанном согласии потребителя, а молчание не является акцептом. Суд также запретил ответчику использовать на сайте автоматическое предустановленное согласие на дополнительные услуги.

Исследование отдельных примеров влияния цифровизации на развитие обязательственных правоотношений показывает, что внедрение новых технологий приводит к трансформации традиционных форм

взаимодействия субъектов гражданского права. Можно сделать вывод, что особое значение в судебной практике в настоящее время приобретают вопросы доказывания факта заключения договора при использовании смарт-контрактов и идентификации сторон в цифровой среде. Отсутствие единообразных подходов в судебной практике и пробелы в законодательном регулировании требуют дальнейшего совершенствования гражданского законодательства об обязательственных правоотношениях с учетом развития цифровых технологий.

Список библиографических ссылок

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Том 2 / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо [и др.]; под ред. Б. М. Гонгалов. М.: Статут, 2021. 602 с.
2. Агибалова Е. Н., Мачехина Н. А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. 2026. № 1. С. 106–113.
3. Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.
4. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование технологии блокчейн: монография. М.: Юстицинформ. 2021. 152 с.
5. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18–23.
6. Татьянкина Д. А. Click-wrap соглашения: к вопросу о нормативно-правовом регулировании // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12 (76). С. 431–435.

© Агибалова Е. Н., 2026

Бабушкина О. В.,
Министерство цифрового развития, связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации

Иловайский И. Б.,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

К вопросу об определении ветеринарной услуги

В п. 1 ст. 779 ГК РФ определен предмет договора возмездного оказания услуг, а п. 2 ст. 779 ГК РФ установлено, что общие правила, регулирующие такого рода обязательства, применяются и к договору оказания ветеринарных услуг. Вместе с тем в российских нормах права отсутствует определение термина «ветеринарная услуга», но в абз. 1 ст. 1 закона РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» установлена дефиниция «ветеринария». Под ней законодатель предложил понимать «область научных знаний и практической деятельности, направленных на предупреждение болезней животных и их лечение, выпуск полноценной и безопасной в ветеринарном отношении продукции животного происхождения и защиту населения от болезней, общих для человека и животных». Как видно из приведенного текста, это определение в большей мере закрепляет публичный интерес, который выражается в основной цели ветеринарии – не дать возникнуть и развиваться эпизоотиями. Указанное понятие охватывает сферу не только ветеринарных услуг, имеющих частноправовой характер, но и сферу деятельности государственного ветеринарного надзора.

В такой ситуации при рассмотрении споров понятие ветеринарной услуги формируется путем толкования указанных норм права, т. е. посредством соединения общей дефиниции «обязательства из услуг» и содержания конкретных ветеринарных отношений. Подобный прием не всегда дает однозначный и бесспорный результат и часто приводит к определенным затруднениям [1, с. 17]. Определение понятия «услуга», поскольку оно не определено в Гражданском кодексе РФ, раскрывают разные по силе действия и значению правовые акты. Так, согласно п. 5 ст. 38 Налогового кодекса РФ услуга представляет собой «деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности». Получается, что в этой норме законодатель сделал акцент

на нематериальном результате (в отличие от работ) оказания услуг, а именно на определенном полезном эффекте, который будет достигнут в процессе их исполнения.

В определении подп. «г» п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» под услугой рекомендовано понимать «действие (комплекс действий), совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающее целям, о которых исполнитель был поставлен в известность потребителем при заключении возмездного договора». Таким образом, по мнению высшей отечественной судебной инстанции, достижение цели, определенной заказчиком, при исполнении услуги является наиболее важным квалифицирующим признаком рассматриваемого обязательства.

Более того, в обоих приведенных определениях содержание услуги дается на основе противопоставления этого правоотношения обязательствам, вытекающим из подрядных работ. Подобный прием используется в большинстве случаев научного обсуждения и толкования этих институтов в юридической литературе [2, с. 238]. Отдельные авторы при этом указывают еще и на индивидуальный характер оказания услуг, поскольку заказчик, как правило, связывает свои представления о надлежащем исполнении подобных обязательств с конкретной личностью исполнителя. Поэтому, утверждают правоведы, каждая услуга по своей сути носит уникальный характер, так как ее исполнитель обладает набором индивидуальных личностных качеств, чем индивидуализирует оказываемую услугу [3, с. 90].

Однако применительно к ветеринарным услугам указанные признаки проявляются не в каждом случае. По поводу достижения цели при исполнении указанных договоров М. В. Хацкевич отмечает, что такого рода факт сам по себе не всегда достижим и тем более не может использоваться в качестве подтверждения ненадлежащего оказания рассматриваемых обязательств. Цель заказчика при обращении к ветврачу – полное выздоровление питомца, но такой результат не гарантирован. Если животное находится на последней стадии онкологического заболевания, то традиционные методы лечения в подобных случаях в виде хирургического вмешательства, сеансов химиотерапии или лучевой терапии и др. часто все равно приводят к летальному исходу. Возможно и другое развитие событий, когда организм

конкретного животного, обладающего индивидуальными особенностями, неадекватно, т. е. с побочными эффектами, реагирует на введение того или иного препарата, вследствие чего ветеринар не может гарантировать полный положительный результат оказания услуги [4, с. 199].

К тому же перечень ветеринарных услуг достаточно широк и не всегда направлен лишь на излечение животного или улучшение его состояния. Так, эвтаназия делается с целью прекращения страданий питомца и является проявлением гуманности, когда паллиативное лечение не может уменьшить боль, а жизнь в таком случае состоит исключительно из мучений.

Не всегда срабатывает в ветеринарных услугах и признак нематериального результата, потому что полезный эффект может быть овеществленным, например, при установлении питомцу протеза. В этом случае значение имеет результат услуги, а именно приближенный к полноценному процессу передвижения животного. Таким образом, приходится констатировать смещенный характер исполнения обязательств ветеринара перед заказчиком, где сочетаются и выполнение работ, и оказание услуг одновременно.

А вот критерий индивидуальности услуг, если он не связан со случайным обращением к ветеринару, в большей степени подходит к процессу реализации ветеринарного лечения животного. Именно от компетентности ветврача, который может грамотно и профессионально оказать услугу, зависит благоприятный результат ее исполнения. При таких обстоятельствах достаточно значимы: и правильно выбранные им схемы лечения животного, и навыки построения коммуникации с пациентами с учетом видовых особенностей, и рекомендации заказчику по уходу за питомцем и т. п. При позитивной реализации подобных условий животное будет испытывать значительно меньше стресса в ходе проведения медицинских манипуляций. В этом аспекте успешность деятельности врача зависит и от его умения выстроить отношения с заказчиком. Именно способность этого субъекта профессионально и доступно объяснить характер своих действий, и таким образом убедить контрагента в верности заключения договора именно с ним, а не с другим лицом, влияет на успешность работы ветеринара в целом.

Подводя итог проведенному в настоящей статье исследованию, нам хотелось бы предложить свое определение ветеринарной услуги как совокупности определенных действий (деятельности), основанной

на возмездном договоре между исполнителем (ветеринарным врачом или ветеринарной клиникой / организацией) и заказчиком (владельцем животного). Результатом исполнения такого обязательства должен стать один или несколько из следующих полезных результатов: 1) улучшение здоровья животного; 2) его полное излечение от заболеваний различного характера; 3) уменьшение испытываемых им болезненных ощущений, а также иные результаты, предусмотренные законодательством. При этом заказчик должен осознавать и допускать, что индивидуальные особенности пациента (животного) могут препятствовать достижению указанных целей, за которые исполнитель будет нести ответственность при умышленном причинении вреда пациенту.

Хочется надеяться, что предложенное на суд определение ветеринарной услуги поможет правоприменителю, в том числе исполнителю и заказчику, при заключении соответствующих соглашений, а также при квалификации спорных ситуаций в области ветеринарии.

Список библиографических ссылок

1. Иловайский И. Б., Бабушкина О. В. Ветеринарные услуги и проблематика качества их оказания // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. матер. II Всероссийской науч.-практ. конференции. 1 часть; г. Волгоград, апрель 2024 г. / отв. ред. Э. В. Голоманчук; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. С. 16–17.

2. Петрова Е. С. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 5А. С. 236–241.

3. Иловайский И. Б., Давтян-Давыдова Д. Н. Проблема понятия услуги и критерии ее отграничения от работы в контексте действующего гражданского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4–2 (79). С. 87–92.

4. Хацкевич М. В. Услуги как объекты гражданских прав // V Международный ФОРУМ цивилистов: сб. науч. ст. Международной науч.-практ. конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 198–201.

© Бабушкина О. В., Иловайский И. Б., 2026

Гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел

При выполнении служебных обязанностей нередки случаи, когда о сотруднике ОВД распространяются недостоверные сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию, влекущие за собой подрыв авторитета не только конкретного гражданина, но и правоохранительных органов в целом, что недопустимо в силу возложенных на них функций. Именно поэтому необходимо молниеносно реагировать в правовом поле, устраняя источник негативной информации и привлекать виновных лиц к юридической ответственности, «сотрудник является публичной фигурой, постоянно взаимодействует с обществом, его честь и достоинство остаются уязвимыми, поэтому важно предоставить надежную защиту его личным неимущественным правам» [1, с. 32–33]. Защита таких нематериальных прав сотрудника ОВД происходит с помощью совокупности норм специального законодательства, что объясняется спецификой выполнения служебных обязанностей и норм, распространение которых, осуществляется на основании национального режима, применяемого в отношении всех граждан, находящихся на территории Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить, что запуск механизма о защите прав гражданина такой категории происходит по установленным правилам, предусмотренным специальным законодательством, отличаясь от порядка защиты рассматриваемых нематериальных благ граждан, не обладающих таковым статусом. Среди особого законодательства, предусматривающего правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД, следует выделить Федеральный закон «О полиции», согласно которому таким лицам гарантируется государственная защита, осуществляемая в установленном законом порядке. Проведение такой процедуры регламентируется приказом МВД России от 19.12.2018 № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений сис-

темы МВД России». Правовая помощь по возникшему инциденту предоставляется на основании рапорта, поданного сотрудником ОВД на имя руководителя подразделения МВД России, а при нарушении нематериальных благ рассматриваемой категории в отношении последнего лица рапорт подается на имя непосредственного руководителя. На руководителей подразделений МВД России возлагается обязанность о доведении информации подчиненным о порядке обращения за правовой помощью в случае имеющегося факта нарушения их нематериальных благ, перечисленных ранее. Правовое консультирование, оказываемое правовым подразделением по месту несения службы сотрудника ОВД или рабочей группой, созданной в исключительных случаях на основании приказа руководителя МВД России, в состав которой входят представители собственной безопасности, осуществляется в устной или письменной форме по существу дела. В зависимости от выбранного порядка защиты помощь может быть выражена в составлении проектов документов правового характера, разъяснении действующего законодательства. Ее осуществление происходит исключительно при реализации сотрудником ОВД своих должностных полномочий.

Механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД предусматривает не только применение положений вышеназванных законов. Являясь гражданином Российской Федерации, он руководствуется положениями, закрепленными в ст. 23 и 45 Конституции РФ, согласно которым каждый гражданин имеет право на защиту обозначенных прав любыми способами, не запрещенными законом. Соответственно, изначально защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД может пройти в досудебном порядке с помощью опровержения информации, не соответствующей действительности, по правилам, предусмотренным положениями закона «О средствах массовой информации». Согласно названному закону сотрудник ОВД при установлении факта того, что через средства массовой информации (далее – СМИ) распространены сведения о нем, не соответствующие действительности, порочащие его честь и достоинство, вправе обратиться в редакцию с требованием опровергнуть ее в том же СМИ, где таковая информация была доведена до всеобщего обозрения. Закон акцентирует внимание на том, что реализация данного права возможна только в том случае, когда редакция не располагает доказательствами того, что распространенные ею све-

дения соответствуют действительности. Для того чтобы опровержение, поданное сотрудником ОВД, было доведено до общественности через СМИ, необходимо представить текст или передать его в записи, соблюдая требования, предусмотренные законом. Так, согласно ст. 44 закона «О средствах массовой информации» опровержение должно содержать сведения о том, какая именно информация не является достоверной, когда она была размещена СМИ и каким способом. Если сведения, порочащие честь и достоинство заявителя, были распространены в периодическом издании, то текст опровержения должен быть набран тем же шрифтом, что и недостоверная информация и размещен в том же месте полосы, что и опровергаемый материал, имеющий подзаголовок «Опровержение». Когда общественность узнала об опровергаемых сведениях через радио и телевидение, то опровержение передается преимущественно в той же передаче и в то же время выхода ее в эфир. Законодатель предъявляет требования и к объему опровержения, а именно, заявитель должен изложить свои возражения так, чтобы его текст не превышал вдвое того текста, который опровергается. При зачитывании текста опровержения по радио или телевидению затрата диктором эфирного времени не должна превышать времени, необходимого для его прочтения стандартной машинописной страницы. Подготовленное опровержение согласно указанным требованиям должно выйти в СМИ в течение десяти дней с момента его подачи в редакцию. Если периодичность выхода в свет номера или передачи в эфир происходит не реже одного раза в неделю, а при более длительном выходе, опровержение должно последовать в подготавливаемый или ближайший для выхода в свет выпуск. Редакция, получив опровержение, обязана в течение месяца со дня его получения направить письменное уведомление заинтересованному лицу о том, что оно принято с установлением временных рамок его распространения или отказать в его принятии, указав причины такого решения. Закон предусматривает две группы оснований для отказа в принятии опровержения недостоверной информации. Первая недопустимость в опровержении текста, если в нем содержатся признаки злоупотребления свободой массовой информации, перечисленные в положении ст. 4 закона «О средствах массовой информации»; присутствуют противоречия решению суда, вступившего в законную силу; не позволяют удостовериться в личности обратившегося лица, т. е. является анонимным. Вторая группа оснований, при установле-

нии которых редакция отказывает обратившемуся лицу в опровержении: опровергаемые сведения ранее были опровергнуты в СМИ; нарушены сроки подачи опровержения, а именно, истек год с момента распространения опровергаемой информации.

Выявление факта нарушения чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД может производиться как им самим, так и уполномоченными подразделениями МВД России, которые ежедневно проводят мониторинг информации, размещенной в СМИ и сети Интернет. В случае выявления факта распространения сведений, не соответствующих действительности, выраженной в любой форме, сотрудник ОВД информирует своего руководителя. Кроме того, Главное управление собственной безопасности МВД России осуществляет отслеживание правоприменительной практики не реже одного раза в год на предмет выявления необходимости совершенствования работы по организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД.

При выявлении недостоверной информации, повлекшей нарушение нематериальных благ сотрудника ОВД рассматриваемой категории в сети Интернет, в досудебном порядке может быть подана претензия «в адрес Интернет-платформ, видеохостингов, социальных сетей, мессенджеров, в которых данная информация была размещена (опубликована)» [2, с. 86].

Сотрудник ОВД, который не смог добиться удовлетворения своих интересов по защите чести, достоинства и деловой репутации в рамках досудебной защиты, а именно не был реализован основной способ защиты перечисленных его нематериальных благ в виде опровержения порочащих сведений, то согласно гражданскому законодательству вправе эти действия осуществить через суд. Исходя из п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ, обозначенное лицо вправе обратиться в суд с требованием опровергнуть недостоверную информацию, повлекшую за собой нарушение чести, достоинства и деловой репутации. Для удовлетворения заявленных исковых требований заявителю необходимо доказать, что распространенные сведения не соответствуют действительности. Только при таком раскладе дел решение суда будет в пользу сотрудника ОВД. Нарушитель будет обязан на основании судебного решения, вступившего в законную силу, в установленные сроки сделать опровержение ранее распространенным сведениям, не соответствующим реальной действительности, совершив его тем

же или аналогичным способом, который был использован им ранее. Если таковое сделать невозможно по объективным причинам (например, нет возможности донести такую информацию до всеобщего сведения), суд обязывает виновное лицо произвести удаление таких сведений и не допустить их дальнейшего распространения. В том случае, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сотрудника ОВД, содержатся в документе, он подлежит отзыву из той организации, в которой находится.

Причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации сотрудника ОВД предполагает наличие морального вреда, поскольку в гражданском праве действует общая презумпция при нарушении таких личных неимущественных прав и посягательстве на нематериальные блага, о чем говорится в п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Компенсация морального вреда сотруднику ОВД будет осуществляться по правилам гражданского законодательства, а именно в соответствии с п. 1 ст. 1099 и п. 1. ст. 1101 Гражданского кодекса РФ. Размер денежной суммы, выплачиваемый сотруднику ОВД причинителем вреда, определяется судом, исходя из следующих составляющих: характер причинения нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, требования разумности и справедливости. Вместе с тем «проведенный анализ судебной практики выявил следующие особенности и проблемные моменты компенсации морального вреда:

- 1) отсутствие какой-либо предсказуемости выносимого судом решения в части размера компенсации морального вреда;
- 2) нестабильность правоприменительной практики;
- 3) увеличение количества обжалуемых в вышестоящих судах решений;
- 4) снижение судом размера компенсаций морального вреда в связи с недоказанностью физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему, и необходимостью соблюдения требования разумности и справедливости» [3, с. 28].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД занимают значимое место среди иных способов защиты исследуемых нематериальных благ, несмотря на особый статус потерпевшего.

Список библиографических ссылок

1. Файрушин Т. А. Понятие и способы гражданско-правовой защиты чести, достоинств и деловой репутации сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 31–34.
2. Газизов Э. Ф., Ермолаев О. И. Способы защиты гражданских прав сотрудника органов внутренних дел в случае осуществления его видеосъемки другими лицами // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 83–86.
3. Рябинин Н. А., Филипсон К. Ю. Возмещение вреда, причиненного сотруднику органа внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. 68 с.

© Батурина Н. И., 2026

Наследование выморочного имущества

Наследование выморочного имущества представляет собой специальный институт российского гражданского права, регулирующего переход неприобретенного наследства к Российской Федерации в порядке гражданско-правового наследования по закону при отсутствии наследников достаточного круга или их отказе, что обеспечивает непрерывность правового оборота и предотвращает формирование бесхозяйных активов [1, с. 1–5].

Выморочное имущество, определенное ст. 1151 Гражданского кодекса РФ, включает всю наследственную массу или ее часть, не распределенную по очередям из-за непринятия, отказа, непризывности или смерти последних наследников без потомков, с последующей передачей территориальным органам государства как универсальному правопреемнику без ограничения по стоимости или типу активов [2].

Анализ доктрины и практики демонстрирует эволюцию правового механизма от конфискационного подхода советского периода, при котором имущество переходило в бюджет без соблюдения наследственных формальностей, к современному гражданско-правовому статусу, подчеркивающему публично-правовую природу компенсации в случаях отсутствия частных правопреемников, однако сопряженному с проблемами распределения поступлений и злоупотребления при идентификации наследников.

Выморочным считается имущество умершего, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства, и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника. Рассматриваемое имущество не может подлежать наследованию ни по завещанию, ни по приобретательской давности.

Важнейшими чертами данного механизма являются: полное правопреемство государства, которое принимает на себя все права и обязательства, в том числе долги, пропорционально стоимости переходящего имущества. Сама сделка регулируется нормами гражданского права,

а Российская Федерация в ней представлена компетентными органами (финансовыми или имущественными), что исключает применение публичных процедур изъятия собственности. Такой подход, соответствующий принципу непрерывности хозяйственного оборота, не предусматривает предоставления каких-либо социальных выплат или компенсаций семьям умерших наследников.

В соответствии с юридической доктриной выморочность представляет собой объективно сложившуюся ситуацию, которая наступает по истечении установленного законом срока (не более одного года согласно ст. 1152 Гражданского кодекса РФ). Этот процесс завершается официальным нотариальным удостоверением факта не востребо-ванности наследства.

Процедура наследования выморочного имущества направлена на поддержание стабильности и предсказуемости правовых отношений, однако на практике она зачастую растягивается во времени. Главной причиной задержек становится тщательная проверка прав всех потенциальных наследников, включая дальних родственников, что может продлить период правовой неопределенности до двух лет.

Оформление наследства, переходящего к государству, производится нотариусом по месту открытия наследственного дела. Начинается оно только после полного устранения всех претендентов и официального опубликования призыва к наследованию.

Свидетельство о праве на наследство, выдаваемое от имени Российской Федерации, оформляется уполномоченным территориальным органом, отвечающим за управление федеральной собственностью, либо финансовым органом субъекта РФ. В случае с муниципальным имуществом применяются положения ч. 3 ст. 1151 Гражданского кодекса РФ [2].

Принимая наследство, государство получает полный комплекс прав, аналогичных тем, что имеют граждане-наследники. К ним относится право фактического пользования имуществом – оплата коммунальных услуг, проведение инвентаризации и иные действия. При этом закон не обязывает государство проживать в наследуемом объекте.

Ответственность государства по долгам наследодателя ограничивается стоимостью наследуемого имущества.

Основная задача данной процедуры – минимизация финансовых убытков для бюджета. Однако ее реализация сталкивается с трудно-

стями при работе с активами, низкая ликвидность которых затрудняет их продажу, например, с ветхими жилыми зданиями, а также в тех случаях, когда имеются спорные долговые обязательства, требующие судебного разбирательства.

Правовой статус имущества, оставшегося без наследников, детально регулируется судебной практикой. Если суммарная стоимость обязательств превышает стоимость наследуемого имущества, государство вправе отказать в принятии наследства через суд (согласно п. 1 ст. 1157 Гражданского кодекса РФ). Следует учитывать, что частичное принятие наследства законодательно не предусмотрено.

Особенность наследования выморочного имущества заключается в запрете на его завещательное распоряжение в пользу государства, что установлено ст. 1118 Гражданского кодекса РФ. Это положение гарантирует неоспоримую правовую обоснованность данного института. В случае нахождения недвижимости на территории разных субъектов федерации приоритет в управлении и распоряжении отдается федеральному уровню власти перед региональным.

Дополнительно предусмотрена возможность для наследников по закону выкупить указанное имущество по его рыночной стоимости в течение трехлетнего срока с момента открытия наследства – при условии документального подтверждения родственных связей. Эта мера снижает социальную напряженность, связанную с процедурой наследования.

Проблема наследования выморочного имущества заключается в злоупотреблениях, связанных с сокрытием родственных связей с целью последующего выкупа имущества по заниженной цене.

Дискуссии в доктрине фокусируются на целесообразности полного отказа от института в пользу передачи неликвидных объектов благотворительным фондам или музеям, а также на введении минимального порога стоимости (1 000 тыс. руб.) для квалификации имущества как выморочного. При этом малые наследства предлагается распределять в порядке приобретательной давности. Тенденции развития ориентированы на цифровизацию, практика эволюционирует к большей прозрачности публикаций через Госуслуги, повышая конкуренцию за имущество.

Для обеспечения единообразия в правоприменении и создания прочного правового фундамента, способного стабилизировать практику наследования, требуется принятие специального федерального за-

кона, который бы детально регулировал порядок оформления выморочного имущества. В документе должны быть четко прописаны: 1) перечень имущества, переходящего в собственность субъектов РФ и муниципальных образований; 2) особенности процедуры передачи, условия и порядок возврата имущества законным наследникам при их обнаружении; 3) механизмы компенсаций и гарантий для наследников в случае невозможности возврата имущества в натуральной форме, включая тех, кто уже получил его в пользование или собственность.

Необходимо законодательно уточнить полномочия органов и должностных лиц, отвечающих за выявление выморочного наследования, передачу данных в государственные структуры, охрану имущества, взаимодействие с нотариусами и координацию процедур возврата или компенсации.

Проект федерального закона предусматривает введение специальных процессуальных норм, регулирующих споры, связанные с защитой интересов кредиторов наследодателя и публичных образований – наследников выморочного имущества. Эти нормы направлены на урегулирование вопросов взыскания долгов наследодателя из выморочной массы, определение очередности удовлетворения требований кредиторов до перехода остатка в собственность государства или муниципалитета, а также на защиту публичных наследников от необоснованных претензий.

Такой правовой механизм ликвидирует пробелы в практике, где отсутствие единого подхода со стороны судов приводит к затяжным разбирательствам и нарушению прав кредиторов.

Список библиографических ссылок

1. Котухова М. В. Выморочное имущество: история и актуальные вопросы современности // Наследственное право. 2006. № 2. С. 1–5.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) (утв. Федеральным законом от 26.11.2001 № 146-ФЗ, ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) / Российская Федерация. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

© Белова О. А., 2026

Большаков А. П.,
Волгоградский институт бизнеса

Игамбердиева Р. И.,
Волгоградский институт бизнеса

К вопросу о гражданско-правовой ответственности за злоупотребление субъективными правами

Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом остается актуальной в контексте необходимости обеспечения надлежащего баланса между автономией воли участников гражданских правоотношений и защитой правопорядка, общественных интересов и прав других лиц. Злоупотребление правом является межотраслевым правовым феноменом, юридической категорией, которая, находясь на грани правомерного осуществления субъективного права и неправомерного поведения, не имеет заранее четко установленных признаков и характеристик.

Понятие злоупотребления правом отражает сложную и многогранную реальность взаимодействия между писаным правом и социальными целями, которые оно призвано защищать. Этот феномен представляет собой особый вид правового поведения, который заключается в использовании права не по его назначению, что формально не противоречит нормам закона, но фактически нарушает общепринятые принципы добросовестности, справедливости и разумности.

Российское научное сообщество уже длительное время уделяет значительное внимание разработке проблематики злоупотребления правом, рассматривая это явление с позиций различных научных школ и методологий. Д. В. Гончаров отмечает, что злоупотребление субъективным правом как правовое явление является противоречивым, ведь с одной стороны, оно связано с осуществлением субъективного права, с другой – с нарушением границ его реализации. Поэтому их позиции в научных работах лишь подчеркивают то, что злоупотребление правом является сложным, многоаспектным явлением, которое требует глубокого анализа не только с точки зрения юридической теории, но и практики его выявления и предотвращения [1, с. 63].

Понятие злоупотребления правом является особой правовой категорией в современной российской правовой науке, ведь она не просто

пересекает границу между формально правомерным и неправомерным поведением, но и ставит под сомнение саму суть дозволенного в праве. Важно осознавать его сущность как особую форму правового поведения, сочетающую внешнюю правомерность с внутренней антиправовой направленностью действий субъекта [2, с. 365].

Анализ правовой доктрины позволяет выделить несколько ключевых подходов к определению злоупотребления правом.

Д. В. Богатырев рассматривает злоупотребления как исключение из принципа «разрешено все, что не запрещено законом», подчеркивая, что в праве существуют и косвенные запреты, обусловленные необходимостью справедливого баланса. В ситуациях конфликта прав именно суд должен оценить поведение сторон на предмет злоупотребления, применяя принцип пропорциональности [3, с. 354].

О. А. Поротикова выделяет следующие признаки: недобросовестная реализация права не по его социальному назначению; осознанный, волевой характер поведения; наличие вреда (или угрозы) общественным или частным интересам; формальная правомерность действий в сочетании с нарушением общих правовых принципов [4, с. 30]. Следовательно, в общем виде злоупотреблением правом является сознательное действие в пределах законодательно разрешенного, которое вредит другим или нарушает баланс интересов.

В. И. Крусс обобщает доктринальные подходы, по которым злоупотребление правом – это:

- реализация полномочий с нарушением границ;
- использование права вопреки его социальному назначению;
- достижение эгоистических целей в ущерб другим;
- действия, противоречащие совести, морали и игнорирующие публичный или частный интерес [5, с. 28].

Эти признаки сближают понятие злоупотребления с превышением полномочий и требуют пересмотра границ правомерного поведения. Поведение, которое не нарушает закон, но вредит или нарушает баланс интересов, должно считаться злоупотреблением.

В юридической доктрине исторически сложилось понимание злоупотребления правом как деяния, которое представляет собой «вредоносное осуществление именно субъективного права». Данный тезис носит базовый характер и распространяется на все отраслевые разновидности злоупотреблений. Как справедливо отмечает В. Г. Плюснина, «когда лицо совершает какие-либо действия, не основанные

на субъективном праве, говорить о злоупотреблении правом нельзя» [6, с. 245].

Традиционное понимание субъективного права строится на его соотношении с правом объективным. Если объективное право – это свод общеобязательных правил, то субъективное право есть те конкретные возможности, которые лицо получает на основе этих правил [7, с. 103].

Однако определение субъективного права как меры возможного поведения, при всей его точности, неполно. За поведением всегда стоит нечто большее – цель, на достижение которой это поведение направлено. Такой целью выступает обладание теми или иными материальными или духовными благами. Поэтому субъективное право с необходимостью должно рассматриваться не только как мера поведения, но и как мера обладания социальным благом. В доктрине справедливо подчеркивается: «пользование благом – это цель и одновременно содержательная сторона субъективного права» [7, с. 80]. Эта мысль представляется ключевой: субъективное право не существует «для себя», оно всегда есть право на что-то, право ради чего-то.

Из целевой направленности субъективного права вытекает его неразрывная связь с категорией интереса. Интерес – это то, что побуждает человека к действию, это осознанная потребность в обладании благом. Посредством субъективных прав лица реализуют свои интересы, и в этом, казалось бы, нет ничего предосудительного. Более того, именно для этого права и предоставляются.

Таким образом, субъективное право включает в себе внутреннюю диалектику. С одной стороны, оно предоставляет лицу возможность реализовать свой частный интерес. С другой – оно же через установленные пределы воплощает интерес публичный, интерес в сохранении социального мира и справедливости. Назначение (социальная цель) каждого субъективного права и есть тот компромисс между частным и публичным, который найден законодателем.

Такое понимание природы субъективного права позволяет по-новому взглянуть на феномен злоупотребления. В самом деле, если субъективное право уже содержит в себе некоторую цель (социальное назначение), то осуществление права в противоречии с этой целью есть не что иное, как использование правового механизма «не по назначению».

Обязательным квалифицирующим признаком злоупотребления выступает наличие вреда, причиненного другим лицам, обществу

или государству. Именно вредоносный результат превращает акт осуществления права, формально остающийся в дозволенных границах, в действие, противоправное по существу.

Требование реального вреда служит необходимым ограничителем, позволяющим применять концепцию злоупотребления лишь тогда, когда для этого есть действительные, а не надуманные основания.

В доктрине справедливо отмечается, что формальное противоречие осуществления права его социальному назначению еще не образует состава злоупотребления. Решающее значение приобретает «результат» – наступление вредных последствий для третьих лиц или публичного порядка. Лишь единство объективной (использование права вопреки назначению) и материальной (причинение вреда) составляющих позволяет квалифицировать деяние как злоупотребление и применять соответствующие меры защиты.

Под вредом в общем в юриспруденции понимается умаление любого блага. К примеру, В. Г. Плюснина понимает вред как всякое умаление личного или имущественного блага [6, с. 247].

А. А. Носов определяет вред (в контексте исследуемой тематики) как любые негативные последствия, ставшие прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права. «Это означает, что если лицо, осуществляя свое субъективное право, умаляет тем самым любое благо, то можно говорить о причинении вреда посредством осуществления права» [2, с. 368].

В юридической доктрине существует позиция, согласно которой под вредом следует понимать «любое умаление (унижение) охраняемого законом блага» [5, с. 76]. Если понимать вред максимально широко – как любое умаление любого блага, – то под это понятие подпадает огромный массив явлений, включая те, которые представляют собой следствием правомерной деятельности. Например, реализация права на судебную защиту и последующее исполнение судебного решения, обязывающего ответчика возместить ущерб, с формальной точки зрения также могут быть рассмотрены как причинение вреда обязанной стороне. Подобное расширительное толкование лишает понятие вреда его юридической определенности.

Одним из наиболее действенных способов противодействия злоупотреблению субъективным правом выступает привлечение нарушителей к гражданско-правовой ответственности. Данный механизм позволяет как предотвращать подобные деяния (превентивная функ-

ция), так и устранять их негативные последствия (компенсационная функция).

Анализируя основания юридической ответственности, О. А. Пороикова отмечает: «правонарушение – закономерный результат целого комплекса детерминантов: внешних условий жизни правонарушителя и его внутренних (психологических) черт, антисоциальной направленности и индивидуальных склонностей. Правонарушение не является слепой роковой силой, и правонарушитель не раб обстоятельств, он сам формирует свой характер, воспитывает в себе чувство избирательной способности к чему-либо, в т. ч. и способности противиться чужому влиянию» [4, с. 102]. То есть доминирующей предпосылкой наступления гражданско-правовой ответственности за злоупотребление субъективными правами рассматривается совершение правонарушения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько форм гражданско-правовой ответственности: возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), уплата неустойки (ст. 330 ГК РФ), потеря задатка (ст. 381 ГК РФ) [8]. Однако применительно к злоупотреблению субъективным правом доминирующее положение занимает именно возмещение убытков. Данная форма ответственности обладает наибольшим компенсационным потенциалом, позволяя привести имущественное положение потерпевшего в состояние, существовавшее до правонарушения.

Ключевым условием для применения этой меры выступает доказанность причинной связи между действиями злоупотребившего лица и возникшими у потерпевшего имущественными потерями. Отсутствие реального вреда исключает возможность возмещения убытков, что ориентирует правоприменителя на тщательное исследование фактических обстоятельств дела.

В сфере договорных отношений ответственность за злоупотребление подчиняется общим правилам об обязательствах. Статья 393 ГК РФ устанавливает обязанность должника возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. При этом предметом возмещения могут быть как убытки от нарушения договора в целом, так и последствия неисполнения отдельных условий. Иллюстрацией может служить практика судов общей юрисдикции. Так, Решением Фрунзенского районного суда г. Иваново от 23.10.2025 по делу № 2-1336/2025 были удовле-

ны исковые требования потребителя к индивидуальному предпринимателю о защите прав потребителей. 01.08.2024 между истцом и ответчиком был заключен договор подряда на проведение отделочных работ в квартире. Истец надлежащим образом исполнил обязательство по оплате работ, внося 515 200 руб. Однако при совместном осмотре квартиры 29.09.2024 были выявлены многочисленные недостатки выполненных работ. Согласно заключению специалиста стоимость ремонтно-восстановительных работ, необходимых для устранения дефектов, составила 244 438 руб. Оценив представленные доказательства, суд пришел к выводу об обоснованности заявленных требований и удовлетворил иск в полном объеме, взыскав с ответчика убытки, неустойку и компенсацию морального вреда [9].

Специфика договорных отношений допускает также применение неустойки и процентов по ст. 395 ГК РФ в качестве дополнительных (или альтернативных) мер ответственности. Иллюстрацией может служить Решение Кузьминского районного суда г. Москва № 02-1909/2025 02-8564/2024 2-1909/2025 от 27.11.2025 по делу № 02-1909/2025. Истец – ООО «Формула Проката» – обратился в суд с иском к ответчику о возмещении: ущерба в размере 103 867, 68 руб.; процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 21.04.2021 по 14.02.2024 в размере 22 152, 35 руб. и далее – по день фактического исполнения обязательств; расходов по оплате услуг представителя в размере 40 000 руб.; расходов по оплате исследования в размере 2 500 руб.; расходов по оплате государственной пошлины в размере 3 720 руб. Рассмотрев все доводы, суд решил: исковые требования ООО «Формула проката» к ответчику о возмещении ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия и взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами удовлетворить [10].

Легальное определение убытков, закрепленное в п. 2 ст. 15 ГК РФ, исходит из двухкомпонентной структуры:

- реальный ущерб охватывает как уже понесенные, так и будущие необходимые расходы на восстановление права, а также стоимость утраченного или поврежденного имущества;

- упущенная выгода представляет собой доходы, которые при обычном ходе гражданского оборота были бы получены потерпевшим, если бы его право не подверглось нарушению.

Особенность злоупотребления субъективным правом заключается в его внешней (формальной) правомерности: лицо действует в пределах предоставленных ему правомочий. Это обстоятельство существенно трансформирует значение элементов состава при квалификации таких деяний.

Такая расстановка акцентов обусловлена самой природой гражданского права, чья основная задача – устранение вредных последствий, вызванных действиями участников оборота. Для возложения ответственности принципиально важно установить два обстоятельства: во-первых, имело ли место деяние, подпадающее под понятие злоупотребления субъективным правом; во-вторых, наступили ли в результате этого деяния вредные последствия. Установление данных фактов служит достаточным основанием для привлечения виновного лица к ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что гражданско-правовая ответственность занимает уникальное место в механизме противодействия злоупотреблению субъективным правом. Она выступает тем правовым инструментом, который позволяет перевести оценочные категории в конкретные санкции, обеспечивая защиту прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота.

Список библиографических ссылок

1. Гончаров Д. В. Содержание термина, злоупотребление правом, проблема пресечения злоупотребления правом // Вестник Международного юридического института. 2022. № 3-4 (80-81). С. 63–68.
2. Носов А. А. Правовой анализ некоторых вопросов злоупотребления субъективным гражданским правом в договорном праве // Матер. VIII Всероссийской науч.-практ. конференции с международным участием. Архангельск: Общество с ограниченной ответственностью «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2024. С. 365–369.
3. Богатырев Д. В. Соотношение понятий «недобросовестная реализация права» и «злоупотребление правом» // Сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конференции. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 354–357.

4. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. 3-е изд., доп. М.: Юрайт, 2026. 241 с.
5. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: НОРМА, 2025. 176 с.
6. Плюснина В. Г. Понятие и правовая природа злоупотребления правом в науке гражданского права // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 245–248.
7. Семченков И. П. Философия права. Сущность субъективного права: Авторское исследование. Калининград: Полиграфычъ, 2024. 116 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.02.2026).
9. Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново № 2-1336/2025 2-1336/2025~М-577/2025 2-2697/2025 М-577/2025 от 23 октября 2025 г. по делу № 2-1336/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o2l3OjUxOgQ8/> (дата обращения: 17.02.2026).
10. Решение Кузьминского районного суда г. Москва № 02-1909/2025 02-8564/2024 2-1909/2025 от 27 ноября 2025 г. по делу № 02-1909/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ccp7TuIfprgv/> (дата обращения: 17.02.2026).

© Большаков А. П., Игамбердиева Р. И., 2026

Буторин К. О.,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Канцер Ю. А.,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

**Оказание предпочтения одному из кредиторов
перед другими кредиторами как основание
для оспаривания сделки должника**

С началом активного развития экономических и торговых отношений в Российской Федерации в начале 90 гг. прошлого столетия, а также установления рыночной экономики, увеличения товарооборота при низком уровне покупательной способности предприятия оказывались чаще убыточными, нежели прибыльными. Возрастание финансовой нагрузки на хозяйствующие субъекты, как следствие, влекло за собой невозможность организации выполнять свои обязательства.

Как один из способов реанимации предпринимательских отношений того времени законодатель предусмотрел особый институт несостоятельности, установленный в ныне утратившем силу законе РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [1]. Он позволяет с помощью процедуры банкротства предприятия (в частности, на стадии конкурсного производства) распределить оставшиеся на балансе активы должника между кредиторами для удовлетворения их требований и объявить должника свободным от долгов. Поэтому названный институт права, предусматривающий такую процедуру, является в большей степени неким благом для предприятия, чем обременением. Из чего следует, что если гражданско-правовая догма предусматривает конкретное благо для определенного субъекта, то это благо представляет собой законное право в объективном его смысле.

Ввиду этого полагается, при осуществлении своего права субъект может превысить пределы его осуществления, причиняя вред другим субъектам гражданских правоотношений, что зачастую выражается в совершении сделок, нарушающих права и охраняемые законом интересы другой стороны и влекущие для нее неблагоприятные последствия. Соответственно, как при осуществлении прав, предусмотренных ГК РФ, так и при осуществлении прав в процедуре банкротства, хозяйствующий субъект может умышленно превышать пределы осуще-

ствления своих прав, совершая экономически невыгодные или необоснованные сделки, тем самым нанося ущерб, в частности своим контрагентам или кредиторам.

С целью защиты от такого рода злоупотреблений правом законодатель предусмотрел основания оспаривания неправомерных сделок, именуемые общими и специальными. Так, особые («банкротные») основания определены в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [2]. Данный закон предусматривает довольно специфичные основания для признания недействительными сделок, совершенных должником, например, тех, что влекут оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими.

Как довольно точно подметил Стрекаловский А. А. в своем научном изыскании, под «предпочтением» следует понимать: «Создание одному или нескольким кредиторам преимущества, которое связано с внеочередным удовлетворением требований, имеет явный характер при наличии иных кредиторов и может проявляться, в частности, в дополнительных обеспечительных мерах, изменении очередности, удовлетворении требований, срок исполнения которых еще не наступил, оказании большего предпочтения, чем предусмотрено законодательством, или влечет, или может повлечь за собой иные негативные последствия» [3].

Исходя из анализа ст. 61.3. вышеназванного закона, можно заключить, что законодатель, вводя в действие данную главу, казуистичным способом перечислил ряд сделок, которые могут быть признаны судом совершенными с предпочтением. Так, сделку можно оспорить как совершенную с предпочтением, если:

- 1) должник совершил ее с намерением исполнить обязательство, возникшее до совершения оспариваемой сделки, создавая тем самым преимущество для кредитора, получившего удовлетворение своих требований в результате этой сделки;

- 2) ее совершение приводит или может привести к изменению очередности удовлетворений требований кредиторов, и, как следствие, в результате такой сделки один кредитор приобретает более выгодные условия и / или более высокий приоритет погашения исполнения своего требования, влекущий ущерб другим кредиторам;

- 3) должник совершил ее с целью исполнения требований, срок удовлетворения которых еще не наступил, при этом имея не исполненное и просроченное обязательство перед другим кредитором;

4) ее совершение предоставляет преимущество отдельному кредитору по отношению к другим кредиторам и нарушает порядок (очередность) удовлетворения требований, который предусматривался бы в соответствии с законом «О несостоятельности (банкротстве)».

При этом малейшее отклонение от указанных в статье условий как следствие использования казуистичного способа перечисления порождало сложность в квалификации сделок, совершенных с предпочтением последующего применения указанного основания для ее оспаривания.

Однако в декабре 2010 г. была внесена некоторая ясность касательно применения главы об оспаривании сделок должника, в том числе в вопросы толкования и применения положений ст. 61.3. закона благодаря разъяснениям, данным в постановлении Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» [4]. В своих разъяснениях Пленум Высшего Арбитражного Суда определил несколько довольно важных аспектов.

Во-первых, перечень условий, указанных с абзаца 2 по абзац 5 п. 1 ст. 61.3., является открытым, а значит, предпочтение может встречаться и в иных, не предусмотренных законом, случаях.

Во-вторых, для признания судом сделки, совершенной с предпочтением, достаточно лишь одного из условий, определенных в п. 1 вышеназванной статьи.

А в-третьих, бремя доказывания возлагается на лицо, оспаривающее сделку как совершенную с предпочтением.

Резюмируя, следует отметить, что данные разъяснения хоть и осветили ряд правовых вопросов оспоримых сделок, совершенных с предпочтением, но на сегодняшний день существуют проблемные аспекты в правоприменительной практике оспаривания сделок должника в рамках дела о банкротстве, влекущих оказание предпочтения одному из кредиторов перед остальными.

Список библиографических ссылок

1. О несостоятельности (банкротстве) предприятий: закон Российской Федерации от 19.11.1992 г. № 3929-1 / Российская Федерация. Законы // Российская газета. 1992. № 279.

2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 г. №127-ФЗ / Российская Федерация. Законы // Российская газета. 2002. № 209-210. ст. 3077–3078.

3. Стрекаловский А. А. Определение понятий подозрительных сделок и сделок с предпочтением в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 2 (47). С. 55–58.

4. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/?ysclid=mor2g5rcsi947003226 (дата обращения: 17.02.2026).

© Буторин К. О., Канцер Ю. А., 2026

Соотношение права и морали в цифровую эпоху: новые границы

Право и мораль выступают регуляторами общественных отношений, которые закрепляют правила должного поведения для человека. Наиболее четко соотношение права и морали отобразил в своей концепции немецкий философ, один из центральных мыслителей эпохи Просвещения И. Кант. По его мнению, под правом понимается «свобода каждого члена общества как человека», а под моралью – «понятие о человеке свободном» [1, с. 39].

Взаимосвязь права и морали в цифровую эпоху претерпевает глубокую трансформацию, стирая старые и создавая новые границы. Это динамичное и зачастую конфликтное поле требует осмысления, в данной статье разберем его ключевые аспекты.

Сегодня цифровая эпоха, также известная как информационная эпоха, – это период, характеризующийся массовым внедрением и использованием цифровых технологий в различных сферах жизни. Это время стремительных изменений, обусловленных развитием интернета, мобильных устройств, больших данных, искусственного интеллекта и других технологий. Именно сейчас и происходят изменения в границах соотношения права и морали, и, соответственно, появляются новые вызовы к их интерпретации [2, с. 17].

Во-первых, рассматривая указанные понятия, необходимо учитывать фактор глобальности, противопоставляемый фактору локальности права. Интернет не признает государственных границ, а право по своей природе территориально. Моральные нормы могут быть универсальными в теории, но их правовое воплощение в России (демократическая модель с акцентом на защиту суверенитета), Китае (авторитарная модель, соответственно, акцентом на контроле и суверенном Интернете), ЕС (либеральная модель с акцентом на права человека), США (корпоративно-либеральная модель, ориентированная на минимальный контроль и развитие самостоятельности) радикально отличается. Разное взаимодействие права и морали приводит к конфликтам между юрисдикциями.

Во-вторых, нельзя не учитывать и скорость изменений технологий. Искусственный интеллект, большие данные, нейросети развиваются экспоненциально, а право изменяется эволюционно. Моральная оценка технологии (например, распознавание лиц или дипфейки) часто формируется быстрее, чем законы, регулирующие ее.

В-третьих, фактор непрозрачности и сложности, при котором алгоритмы, определяющие нашу жизнь (от выдачи кредита до видимости в социальных сетях), – это «черные ящики». Традиционные правовые категории (вина, ответственность, справедливость) трудно применить к решениям, принятым искусственным интеллектом. Моральный вопрос *что справедливо?* предшествует юридическому *как это закрепить?*

В-четвертых, моральную и квазизаконодательную способность получили корпорации-платформы как новые «законодатели морали», являясь центральным парадоксом цифровой эпохи (Meta*, Google, TikTok, «ВКонтакте»). Их внутренние правила часто мощнее государственных законов в цифровой среде. Они вынуждены быть арбитрами в моральных дилеммах (что есть «риторика ненависти», дезинформация, допустимый контент), подменяя собой государство и суды.

Критически важно подчеркнуть, что «поля битвы» между правом и моралью не статичны – они смещаются с каждым технологическим скачком, поэтому и существует необходимость наметить ближайшие точки роста конфликтов (например, регулирование искусственного интеллекта).

Таким образом, нужно определить специфику основных конфликтов, поскольку в контексте цифровой эпохи формируются новые нечеткие границы.

Так, в отдельную категорию выделяется первый конфликт – приватности и прозрачности контроля. Суть конфликта состоит в том, что моральное право человека на невмешательство в личную жизнь противоречит интересам государств в безопасности и бизнес-моделям цифрового капитализма, основанным на сборе данных.

Новыми границами могут выступать и «границы данных». Так, биометрические данные (отпечатки лица, походка, ДНК-тесты) стирают грань между физическим и цифровым «я». Юридический вопрос – *кому принадлежат эти данные?* Моральный – *допустимо ли их бессрочное хранение и использование для «прогнозирования» поведения?*

* Признана в РФ экстремистской организацией и запрещена.

Социальные сети и умные устройства создают «цифровой след», а правовые системы пытаются закрепить «право на забвение». Это само по себе формирует новую границу – возникает конфликт между свободой информации и правом личности на новое начало.

Как следствие, массовый сбор метаданных государством и таргетированная реклама корпорациями поднимают моральный вопрос о «цифровой автономии». Законодатель отстает от темпов развития технологий, пытаясь ограничить подобные практики (регулированием cookie, введением запретов на распознавание лиц в публичных местах в ряде городов).

Таким образом, моральная норма *нельзя следить за человеком без его согласия* сталкивается с государственными интересами безопасности (массовый сбор данных) и бизнес-моделью «бесплатных» услуг, основанных на продаже рекламы. Право пытается «догнать» мораль, предоставляя пользователям больше контроля над своими персональными данными.

Суть второго конфликта заключается в противостоянии свободы выражения безопасности и достоинству личности. Абсолютизация свободы слова в сети приводит к распространению токсичного контента, дезинформации и насилия, однако ее ограничение создает риски цензуры и подавления инакомыслия.

Здесь прослеживается граница модерации контента: кто и по каким правилам решает, что является «риторикой ненависти», экстремизмом или фейком? Уже не только судьи, а модераторы платформ, руководствующиеся внутренними непрозрачными «этическими» гайдлайнами. Здесь право делегирует моральный выбор корпорациям.

Сходную позицию можно наблюдать в сфере влияния алгоритмов: алгоритмы социальных сетей ради вовлечения пользователей часто продвигают экстремальный или спорный контент. Моральная ответственность платформ за усиление расколов в обществе становится предметом правовых исков и слушаний.

В рамках данного конфликта невозможно не затронуть границу анонимности, которая может быть как моральным благом (для диссидентов, жертв насилия), так и инструментом злоупотреблений. Юридические требования идентификации создают новую границу между правом на приватное высказывание и ответственностью за него.

Таким образом, моральный консенсус о недопустимости разжигания ненависти, травли или террористической пропаганды борется

с ценностью свободы выражения. Право определяет формальные границы, но основную работу по модерации выполняют корпорации, опираясь на свои часто непрозрачные, морально-этические кодексы [3, с. 43].

Третий конфликт заключается в том, что жесткие рамки авторского права эпохи аналоговых копий вступают в противоречие с цифровой культурой ремиксов, мемов, пользовательского контента и свободного доступа. В первую очередь необходимо упомянуть границы производного творчества, где право пытается провести эту подвижную границу, отталкиваясь от моральных представлений о справедливости и общественной пользе (например, является ли видео на RUTUBE.RU с критическим разбором фильма нарушением прав? А мем с кадром из этого фильма?).

Моральный вопрос состоит и в том, можно ли использовать произведения, защищенные копирайтом, для обучения нейросетей (например, для генерации изображений)? Здесь и кроется граница обучения искусственному интеллекту. Однако право пока не дает четкого ответа, что тормозит развитие технологий и вызывает волну судебных исков от авторов и правообладателей.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая эпоха стирает границы между потребителем и создателем. Моральные установки поколений (свободный обмен, ремиксы, мемы) конфликтуют со строгими рамками авторского права, созданного для аналоговой эпохи.

Говоря о современных системах искусственного интеллекта, которые работают по принципу «черного ящика», необходимо заметить, что ни разработчики, ни пользователи не понимают, как именно алгоритмы принимают решения и какие данные влияют на результат. Так, решения, влияющие на жизнь людей (кредитный рейтинг, отбор кандидатов на работу, оценка рисков преступности, решения о сроке заключения), все чаще принимает «непрозрачный искусственный интеллект». В этом и состоит суть очередного конфликта «справедливость алгоритмов и черные ящики». Кто виноват, если алгоритм, отбирающий резюме, дискриминирует женщин? Разработчик, владелец данных или владелец системы? Классические правовые понятия вины и ответственности размываются. Возникает моральное право человека на объяснение автоматически принятого в отношении него важного решения. Это трансформируется в правовые требования, создавая новую обязанность для компаний делать искусственный интел-

лект более прозрачным. Правовое регулирование искусственного интеллекта – это попытка встроить этические принципы (недискриминация, прозрачность) в обязательные нормы.

Однако есть и утешающая новость: по информации на июль 2025 г., российские ученые разработали алгоритм, который позволяет создавать полностью прозрачные системы искусственного интеллекта, логика принятия решений которых всегда остается понятной для человека.

Последним немаловажным и дискуссионным конфликтом может выступать конфликт цифрового бессмертия и наследия. Суть его состоит в том, что наши профили, переписки и покупки переживают нас. Кто и на каком основании имеет к ним доступ? Являются ли аккаунты и данные «собственностью», которую можно завещать? Право только начинает признавать цифровое наследство, сталкиваясь с лицензионными соглашениями платформ.

А как же граница посмертной приватности? Есть ли у умершего моральное право на тайну его переписки? Может ли искусственный интеллект, обученный на данных человека, «воскрешать» его цифровую личность для общения с родными? Это абсолютно новая этическое-правовая граница, где право лишь начинает формироваться, отталкиваясь от моральных представлений о памяти и собственности.

На указанных «полях битвы» право больше не просто устанавливает границы, а пытается догнать и формализовать моральный консенсус, который сам находится на стадии формирования под давлением технологий. Ключевая новая граница – это перераспределение власти: от государства к транснациональным корпорациям-платформам, которые становятся главными арбитрами в ежедневных морально-правовых дилеммах цифровой эпохи.

Несмотря на многогранную проблематику новых границ соотношения права и морали в цифровую эпоху, которая динамично развивается и создает многозвенную почву для конфликтов, можно выделить некоторые тенденции и векторы развития.

Так, рассматривая переход от «жесткого права» к «гибкому регулированию», можно сказать, что формируется так называемое «мягкое право», включающее этические хартии, руководящие принципы и стандарты (например, Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, утвержденная в декабре 2018 г. Европейской комиссией

по эффективности правосудия Совета Европы). Они заполняют пробел между стремительно меняющимися моральными нормами и технологиями и медленным развитием «жесткого» права. В России же технологии применения искусственного интеллекта в судебной практике еще не получили широкого распространения. Однако существует Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.».

При имеющейся тенденции роста значения цифровой этики как отдельной дисциплины она становится пространством для общественного диалога, который должен опережать и формировать право, являясь «лабораторией» моральных норм для цифрового общества.

В цифровую эпоху соотношение права и морали перестает быть иерархическим («право – минимум морали»). Оно становится циклическим и диалектическим, так как технологический прорыв создает новую реальность (например, дипфейки и т. д.); общество и эксперты ведут морально-этическую дискуссию о допустимых границах; крупные платформы вводят частные «правила», а законодатель с опозданием пытается консолидировать их в право, которое часто уже устаревает к моменту его принятия.

Таким образом, новые границы – это не линии на карте, а динамичные, проницаемые и часто виртуальные «буферные зоны» между технологическими возможностями, общественной моралью, корпоративными интересами и государственным регулированием. Право в цифровую эпоху все больше становится «правом в процессе», а его легитимность зависит от того, насколько адекватно оно отражает постоянно эволюционирующие моральные ориентиры общества.

Список библиографических ссылок

1. Кант И. Критика практического разума / переводчик Н. М. Соколов. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 39.
2. Гарбук С. В. Влияние обезличивания данных на качество прикладных систем искусственного интеллекта // Материалы XII научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху». 1 декабря 2023 г., МГИМО.

3. Левченко И. А. Соотношение права и справедливости: аксиологический подход // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. С. 43–46.

Библиографический список

1. Кряжевских, К. А. Особенности взаимодействия права и морали / К. А. Кряжевских // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 76–82.

2. Мелешко, Е. Д. Мораль и право как социокультурные регуляции / Е. Д. Мелешко // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2014. – № 2. – С. 45–47.

© Гончарова Д. А., 2026

**Правовая природа межотраслевого института
правовой цензуры и его роль в обеспечении защиты личности,
общества и государства
от деструктивного информационного воздействия**

В эпоху цифровизации и глобализации социально-коммуникативной стороны жизни общества российское государство столкнулось с качественно новой группой угроз, связанных с возникновением и масштабированием кампаний по распространению дезорганизующих, псевдонаучных, ангажированных интересами недружественных России субъектов и иных информационных потоков, воздействующих на ценностные ориентиры граждан и подрывающих основы качественной правовой культуры общества. В условиях нарастания подобных угроз объективно возрастает потребность в формировании системных правовых механизмов, направленных на охрану информационного пространства государства.

Ответом на обозначенные вызовы может стать институционализация нового межотраслевого правового института – правовой цензуры, понимаемой как комплекс мер, направленных на фильтрацию деструктивного информационного контента. Формирование такого института предполагает, прежде всего, теоретико-правовое осмысление его правовой природы, соотношения с существующими правовыми категориями.

Важной вехой в данном контексте становится обращение к содержанию ст. 29 Конституции РФ [1], устанавливающей запрет цензуры. Содержание нормативно-правовой дефиниции цензуры раскрывается в законе «О средствах массовой информации» в качестве 1) требования согласовывать сообщения и материалы и 2) наложения запрета на распространение сообщений и материалов [2]. В этом же законе дублируется запрет цензуры («Цензура ... не допускается»). Следует учитывать, что с общетеоретических позиций правовой запрет, налагаемый на поведение одних субъектов правоотношений, предполагает его целевую ориентацию на обеспечение реализации или защиты прав и законных интересов других субъектов. Очевидно, что запрету цензуры корреспондирует гарантированность законом права на свободу

слова как одного из фундаментальных прав человека. И здесь необходимым представляется сделать оговорку о том, что указанное право, как и многие другие, не является абсолютным.

Достаточно распространенным является представление о неизбежном конфликте цензуры и свободы слова. Подобная оценка представляется несостоятельной ввиду рассмотрения в ней свободы слова в качестве неограниченного права, что по существу не учитывает сложность фундаментальных принципов, заложенных в теории субъективных прав. В действительности свобода слова, как и любое другое субъективное право, предполагает определенные ограничения: индивид может осуществлять свои права лишь в тех рамках, которые не нарушают права других лиц и не посягают на иные охраняемые законом общественные отношения и интересы других субъектов. Злоупотребление же свободой слова способно повлечь причинение вреда широкому кругу общественных отношений, охраняемых законом. Более того, большинство выделяемых в нормативно-правовой базе и научной доктрине целей ограничения прав и свобод индивида («защита основ конституционного строя, защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение безопасности государства» [1]) напрямую соотносятся с задачами перспективного правового регулирования информационного пространства государства.

Здесь возникает иная, нежели (квази)несовместимость цензуры и свободы слова, теоретико-правовая проблема – коллизия между, с одной стороны, конституционно закрепленным запретом цензуры, а с другой – обусловленной комплексом предпосылок и выраженной на уровне стратегических правовых документов потребностью в создании эффективных механизмов защиты информационного пространства государства от деструктивного информационно-психологического воздействия. Положения стратегии национальной безопасности Российской Федерации [3] прямо закрепляют целевой ориентир развития безопасной информационной среды, предполагающей системный контроль оборота информации и координацию усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества и иных субъектов. В этих условиях актуализируется необходимость концептуального разграничения негативных и позитивных проявлений цензуры.

Солидарность с точкой зрения С. Н. Жарова и М. Р. Ишкаева о том, что «к правовым нормам, содержащим запреты <...>, в большей степени, нежели к другим нормам, должны предъявляться требования

разумности и определенности» [4, с. 10], а также мнением Н. А. Влащенко о том, что «разумность представляет собой принцип права <...>. Содержанием такого принципа <...> являются баланс интересов и целесообразность действий субъектов в правовом регулировании» [5, с. 46] позволяет считать обоснованной констатацию, что конституционный запрет цензуры не может рассматриваться в отрыве от принципа разумности. Установленный запрет следует интерпретировать с учетом изменяющихся социально-правовых условий и задач обеспечения национальной безопасности. В этой связи игнорирование позитивного потенциала институционально выстроенного механизма фильтрации информации (а по сути – цензуры) представляется необоснованным.

Не посягая на конституционные правовые нормы, в качестве компромиссного научно-правового решения предлагается введение в понятийный аппарат современного права категории «правовая цензура», которая призвана выступить самостоятельной правовой конструкцией, отличной от классического понимания цензуры, ориентированной на соблюдение и реализацию принципов правового демократического государства и направленной на качественное регулирование оборота информации, сообразное целям обеспечения национальной безопасности государства. Объективные потребности правового регулирования диктуют необходимость научного осмысления и правового конструирования межотраслевого института правовой цензуры. Ключевая задача дальнейшего развития теории и практики регулирования информационной сферы заключается в поиске баланса между решением стратегических задач обеспечения информационной безопасности и соблюдением прав и свобод человека.

Новый межотраслевой институт должен быть построен как система легитимной, транспарентной, экспертно обоснованной фильтрации деструктивного контента. В целом межотраслевой институт правовой цензуры призван стать центральным элементом в системе обеспечения защиты личности, общества и государства от деструктивного информационного воздействия.

На уровне защиты отдельной личности правовая цензура обеспечивает реализацию права человека на благоприятную информационную среду, защищая особенно несовершеннолетних и иные уязвимые группы граждан от контента, транслирующего и пропагандирующего насилие, жестокость, суицидальное поведение, дискриминацию и прочие социально и психически опасные установки.

На уровне общества межотраслевой институт способствует сохранению культурного кода и гражданского мира, фильтруя информацию, направленную на разжигание различных видов ненависти. Выступая инструментом «информационной гигиены», правовая цензура обеспечивает противодействие деструктивным информационным посылам, разрушающим общественную нравственность.

На уровне государства в эпоху гибридных войн правовая цензура выступает важным элементом информационно-идеологического суверенитета, обеспечивающим способность государства противодействовать деструктивным информационным атаками недружественных субъектов.

Следует отметить, что отдельные проявления правовой цензуры фактически присутствуют в действующем правовом поле. Они находят выражение в нормах федерального законодательства, предусматривающих ограничение оборота определенных видов информации, например, в статьях таких документов, как: Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6], Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [7], Уголовный кодекс Российской Федерации [8], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [9] и ряде других нормативных правовых актов. Вместе с тем существующие механизмы фильтрации деструктивного информационного контента носят фрагментарный, несистемный характер, они не объединены единым понятийным аппаратом и не образуют целостного правового института, что обуславливает востребованность исследований в области теоретико-правовой разработки межотраслевого института правовой цензуры.

Таким образом, современное состояние правового регулирования в Российской Федерации характеризуется наличием потребности в системных механизмах защиты информационного поля от деструктивного идеологического воздействия. Введение категории «правовая цензура» позволит концептуально разграничить недопустимую форму цензуры, запрещенную российским законодательством, и легальные формы регулирования оборота информации. В условиях, когда деструктивное информационное влияние стало реальной угрозой национальной безопасности, институционализация основанного на общеправовых и демократических принципах, легитимного межотраслевого института правовой цензуры способно стать шагом к укреплению правовой культуры и обеспечению устойчивого развития российского общества и государства.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mos9zass7984215740 (дата обращения: 17.11.2025).
2. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/?ysclid=mosa13asa448446571 (дата обращения: 17.11.2025).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=mosa3y9gh4352138671 (дата обращения: 17.11.2025).
4. Жаров С. Н., Ишкаев М. Р. Сущность правового запрета: теоретический аспект // Вестник ЧелГУ. 2015. № 25 (380). С. 9–14.
5. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации: ИНФРА-М, 2015. 157 с.
6. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/?ysclid=mosa6b3grm115951502 (дата обращения: 17.11.2025).
7. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/?ysclid=mosa8tzo91737066020 (дата обращения: 17.11.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mosa9z0l43287143182 (дата обращения: 17.11.2025).
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mosai63mt5813920818 (дата обращения: 17.11.2025).

© Губанова В. В., 2026

Дегтярев С. Л.,
Уральский юридический институт МВД России

Золин И. Ю.,
Уральский юридический институт МВД России

**Гражданско-правовая ответственность
органов государственной власти за вред,
причиненный жизни, здоровью или имуществу граждан
или организаций при противодействии
беспилотным воздушным судам**

Основания возникновения обязанности государства и иных публично-правовых образований по возмещению причиненного вреда предусмотрены гражданским законодательством Российской Федерации. Следует оговориться, что случаи причинения вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц при противодействии беспилотным воздушным судам не обладают существенной спецификой в вопросе правовой квалификации соответствующих отношений с точки зрения гражданского права. В этой связи разрешение вышеуказанной категории споров осуществляется на основе общих правил об обязательствах вследствие причинения вреда государственными органами и их должностными лицами.

В соответствии с положениями ст. 53 Конституции РФ и ст. 16, 1064 и 1069 ГК РФ на государственные органы или должностные лица этих органов возлагается обязанность по возмещению причиненного в результате их незаконных действий вреда. В то же время согласно ст. 16.1 ГК РФ законом могут быть предусмотрены случаи, когда государственные органы или должностные лица этих органов обязаны компенсировать ущерб, причиненный их правомерными действиями.

Гражданско-правовая ответственность государственных органов и их должностных лиц за вред, причиненный незаконными действиями, представляет собой специальный состав деликтной ответственности, регулируемый положениями ст. 16, 1069–1071 ГК РФ.

Согласно ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания,

не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению.

Указанной норме корреспондируют положения Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции), предусматривающие ответственность за причиненный сотрудником полиции вред. Согласно ч. 3 ст. 33 Закона о полиции подлежит возмещению вред, причиненный гражданам и организациям противоправным поведением сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Норма ч. 8 ст. 18 Закона о полиции указывает на то, что превышение сотрудником полиции полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия влечет ответственность, установленную законом [1].

В качестве условий привлечения государственных органов и их должностных лиц к деликтной ответственности традиционно выделяют: 1) специальную разновидность противоправности для деликтов органов государственной власти и должностных лиц – незаконность действий государственных органов (их должностных лиц), 2) вину, 3) причинно-следственную связь между незаконными действиями причинителя вреда и наступившим вредом, 4) имущественный или моральный вред [2].

Под незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц понимаются действия (бездействие), связанные с ненадлежащим исполнением указанными субъектами своих публичных обязанностей в противоречии с публичными функциями. По этой причине незаконными применительно к норме ст. 1069 ГК РФ признаются не только действия, нарушающие явно выраженные нормативные предписания, прежде всего, положения федерального законодательства (формальная составляющая противоправности), но и действия, не соответствующие принципам права, публичной функции государства [3, с. 167]. По мнению А. А. Ягельницкого, незаконными для целей деликтной ответственности государственных органов и их должностных лиц признаются: 1) действия, нарушающие явно выраженное предписание объективного права (закона или международного договора, в котором участвует Российская Федерация); 2) действие или бездействие, которое, не вступая в прямое противоречие с нормой права, нарушает принципы деятельности государственного органа;

3) действие или бездействие, выражающееся в ненадлежащей организации выполнения публично-правовых функций [4, с. 573–574]. Таким образом, при оценке соответствия действий органов государственной власти в ходе противодействия беспилотным воздушным судам следует учитывать, что основание деликтной ответственности за причиненный при таком противодействии вред возникает и в тех случаях, когда действия правоохранительных органов, формально соответствующие требованиям закона, нарушают принципы выполнения государством своих публичных функций.

Как указывалось выше, превышением полномочий может считаться применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия. Если же эти меры применяются в рамках полномочий, обязанность по возмещению причиненного при этом вреда правонарушителю или третьим лицам не возникает (ч. 9 ст. 18 Закона о полиции).

Пунктом 40 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции предусматривается право полиции пресекать функционирование беспилотных аппаратов при условии, что данные действия: 1) осуществляются в целях защиты жизни, здоровья или имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел; 2) осуществляются в соответствии с порядком принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий (далее – Порядок), утвержденным приказом МВД России от 16.11.2023 № 865 [5]. Перечень способов и средств, которые могут быть использованы для пресечения функционирования беспилотных аппаратов, является открытым и включает подавление или преобразование сигналов дистанционного управления беспилотными аппаратами, воздействие на их пульта управления, а также повреждение или уничтожение беспилотных аппаратов.

Кроме того, Закон о полиции отдельно оговаривает право сотрудника полиции лично или в составе подразделения применять специальные средства и огнестрельное оружие для пресечения функционирования беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья

или имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел и для обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности зданий, сооружений, помещений и иных объектов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, подразделений полиции и прилегающих к ним территорий (п. 12 ч. 1 ст. 21, п. 5 ч. 3 ст. 23 Закона о полиции).

Таким образом, законность действий сотрудников полиции определяется их соответствием целям, указанным в Законе о полиции, а также соблюдением порядка принятия такого решения. Вместе с тем, применение сотрудниками огнестрельного оружия и специальных средств должно осуществляться с учетом ограничений и запретов, установленных Законом о полиции (например, сотрудник полиции не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица). В случае если в результате нарушения соответствующих запретов и ограничений сотрудник полиции причинил вред личности или имуществу граждан, имуществу юридических лиц, данный вред должен быть возмещен по правилам ст. 16, 1069 ГК РФ.

Однако при определенных условиях вред, причиненный сотрудником полиции в результате совершения незаконных действий, может быть квалифицирован как вред, причиненный в состоянии необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). Согласно ст. 1066 ГК РФ не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не превышены ее пределы. В рассматриваемом нами случае указанное положение имеет значение в части того, что вред, причиненный сотрудником полиции третьим лицам при применении огнестрельного оружия или специальных средств для пресечения функционирования беспилотного аппарата, не подлежит возмещению, если сотрудник действовал при этом в обстановке, в которой указанный аппарат угрожал его жизни или здоровью.

Согласно ст. 1067 ГК РФ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действо-

вал причинивший вред, либо освободить его от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред. В данном случае законодатель формулирует особое основание для возникновения обязанности по возмещению правомерно причиненного вреда. Если вред был причинен для устранения опасности, угрожающей указанным лицам, в ряде случаев причинитель вреда может быть освобожден от обязанности по его возмещению, а соответствующая обязанность может быть возложена на «спасенных лиц». Следовательно, сотрудник полиции, вынужденный действовать вопреки закону для спасения третьих лиц, по общему правилу, может породить обязанность органа государственной власти возместить причиненный этим вред, однако с учетом обстоятельств конкретного дела государственный орган может быть освобожден от такой обязанности.

В силу ст. 16, 1069 ГК РФ вред, причиненный незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц, подлежит возмещению в форме убытков. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). При наличии условий, предусмотренных ст. 151, 1099–1101 ГК РФ возмещению подлежит и моральный вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий государственных органов.

Необходимо учитывать, что в силу ст. 16, 1069 ГК РФ ответчиком по иску о возмещении вреда, причиненного государственными или муниципальными органами, а также их должностными лицами, является соответствующее публично-правовое образование. Согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда в соответствии с ГК РФ или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с п. 3 ст. 125 ГК РФ эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина. Впоследствии в силу п. 1 ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством и т. п.), имеет

право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

В соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиняемый правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

В силу ст. 16.1 ГК РФ ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. Таким образом, если вред причинен правомерными действиями, то право на возмещение вреда возникнет только при наличии соответствующего закона, которым могут быть установлены условия выплаты компенсации, ограничивающие ее размер, круг лиц, имеющих на нее право, сроки, в течение которых возможно ее получить, и т. д.

На основании ст. 16.1 ГК РФ компенсации подлежит только реальный ущерб, но не упущенная выгода. По общему правилу, моральный вред не подлежит компенсации, поскольку соответствующая обязанность возникает только при неправомерном вмешательстве в неимущественную сферу потерпевшего. Исключения из данного правила могут быть установлены в специальном законе. Так, ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Закон о противодействии терроризму) предусмотрена компенсация, в том числе морального вреда. Объем возмещения ущерба устанавливается специальным законом, предусматривающим основания для компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями. Соответствующие основания также содержатся в ст. 790 ГК РФ, ст. 57, 57.1 Земельного кодекса Российской Федерации, ст. 66 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

В то же время Закон о полиции не содержит специальных положений относительно оснований компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции. Так, истец К. обратился в суд с иском к Министерству внутренних дел Российской Федерации и сотруднику полиции А. с требованием о взыскании 5 млн руб. в качестве компенсации за тяжкий вред здоровью, полученный в результате огнестрельного ранения во время перестрелки между сотрудниками полиции и членами незаконного вооруженного формирования. Уголовное дело, возбужденное по данному факту, было пре-

кращено, так как действия сотрудника полиции были признаны правомерными. Суд первой инстанции в иске отказал, сославшись на то, что вред причинен правомерными действиями сотрудников полиции. Поскольку режим контртеррористической операции не вводился, а закон не предусматривает право потерпевшего на компенсацию вреда, причиненного правомерным поведением государственных органов в подобных случаях, основания для возмещения причиненного потерпевшему вреда отсутствуют. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан оставила решение в силе, указав, что действия полиции были правомерными (п. 1 ст. 23 Закона о полиции); нет специального закона, обязывающего компенсировать вред от правомерных действий; процессуальные нарушения не подтвердились. Для возмещения такого вреда требуется прямое указание в законе [6].

Еще в одном деле потерпевшей был причинен имущественный вред в результате повреждения ее автомобиля во время задержания правонарушителя сотрудниками полиции. При задержании правоохранители прижали нарушителя к капоту автомобиля потерпевшей, из-за чего образовались вмятины и повреждения. Шпаковский районный суд отказал в удовлетворении требования о взыскании компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, поскольку Закон о полиции освобождает сотрудников полиции от ответственности за вред, причиненный при правомерном применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [7]. Данная позиция соответствует устоявшемуся в судебной практике подходу [8, 9, 10].

Таким образом, обязанность органов внутренних дел возместить причиненный при противодействии беспилотным воздушным судам вред жизни, здоровью и имуществу третьих лиц возникает при условии, что соответствующий вред стал результатом незаконных действий, т. е. действий (бездействий), нарушающих требования законодательства Российской Федерации. Соответствующие нарушения могут выражаться: в несоблюдении порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных аппаратов; в действиях вопреки установленной законом цели принятия указанных мер; в несоблюдении общих ограничений и запретов, установленных для применения оружия и специальных средств сотрудниками полиции при противодействии беспилотным воздушным судам.

Не подлежит компенсации ущерб, причиненный правомерными действиями сотрудников полиции при противодействии беспилотным воздушным судам. Вместе с тем, если правомерная деятельность сотрудников полиции, связанная с противодействием беспилотным воздушным судам и причинившая вред жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, осуществляется в рамках пресечения террористического акта, такой вред подлежит компенсации в соответствии со ст. 18 Закона о противодействии терроризму.

Список библиографических ссылок

1. О полиции: федер. Закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/?ysclid=mpf7yogfz0840730255 (дата обращения: 17.11.2025).

2. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 130 с.

3. Маркелова А. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2022. 236 с.

4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р. юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 606 с.

5. Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения: приказ МВД России от 16.11.2023 № 865. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408107313/?ysclid=mosb1a4c8o431538429> (дата обращения: 17.11.2025).

6. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан от 03.04.2024 по делу № 33-3123/2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>

&base=SOSK&n=136062&ysclid=mosaxkklfo63027571#OBMDjIVqD3OhGXKA1 (дата обращения: 17.11.2025).

7. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 14.03.2024 по делу № 2-295/2024. URL: <https://www.garant.ru/?ysclid=mosbfntwx0823203895> (дата обращения: 17.11.2025).

8. Апелляционное определение Псковского городского суда Псковской области от 18.08.2021 по делу № 11-109/2021. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).

9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.03.2022 № Ф03-492/22 по делу № А73-6265/2021. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).

10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Томского областного суда от 18.01.2023 по делу № 33-118/2023. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).

© Дегтярев С. Л., Золин И. Ю., 2026

**Административная преюдиция в механизме криминализации:
проблемы правовой определенности
и соразмерности ответственности**

Современное уголовное законодательство ищет новые формы признания деяний преступными. Одна из таких форм – административная преюдиция. Ее значение в механизме уголовно-правового регулирования постоянно растет. Данный институт представляет собой законодательную конструкцию, при которой деяние становится преступлением из-за того, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное правонарушение в течение установленного законом срока. Активное внедрение этой конструкции в УК РФ требует глубокого научного анализа: какова ее природа, какие функции выполняет и насколько она соответствует базовым принципам уголовного права.

Сегодня заметна тенденция гуманизации уголовного законодательства в части общеуголовных преступлений. Но эта гуманизация не должна снижать эффективность борьбы с преступностью. Достичь обеих целей можно только при одном условии: уголовный закон должен адекватно отражать реальные криминальные угрозы и современные тенденции преступности. Кроме того, нельзя допускать расширительного толкования границ поведения, которое признается преступлением.

Поэтому в науке уголовного права и среди практикующих правоприменителей все чаще говорят о необходимости правильно соотносить разные виды юридической ответственности – уголовную, административную, гражданскую, дисциплинарную [1, с. 254].

Каковы функции административной преюдиции в системе уголовно-правового регулирования? Их несколько. Первое – профилактическая. Административное наказание служит предупреждением: нельзя нарушать, а при повторном нарушении последствия будут строже. Второе – дифференцирующая. С ее помощью можно разграничить однократное нарушение, которое не представляет значительной общественной опасности, и систематическое противоправное поведение, где уже требуется уголовно-правовое реагирование. Третье – экономическая.

Рациональное использование ресурсов правоохранительной системы обеспечивается за счет фильтрации малозначительных случаев уже на стадии административного производства.

Однако внедрение модели административной преюдиции порождает серьезные системные коллизии с фундаментальными принципами уголовного права. Самая острая проблема – соотношение преюдиции и принципа вины, закрепленного в ст. 5 Уголовного кодекса РФ [2, с. 143]. Этот принцип требует установления субъективного отношения лица к совершаемому деянию и его последствиям. Конструкция преюдиции существенно усложняет реализацию этого требования. Почему? Потому что уголовная ответственность наступает за повторное совершение тождественного деяния, но диспозиция нормы часто не предусматривает необходимости доказывать, что виновный осознал: его действие – это уже не административный проступок, а преступление. Возникает риск объективного вменения. Человека привлекают к уголовной ответственности фактически за несоблюдение формального запрета без должного учета его субъективного отношения к содеянному.

Серьезные вопросы вызывает и соответствие административной преюдиции принципу правовой определенности, который вытекает из ст. 54 Конституции РФ. Этот принцип требует, чтобы правовая норма была четкой, ясной и предсказуемой для тех, кому она адресована. Норма с административной преюдицией, будучи формально определенной, на практике зачастую оказывается непредсказуемой для рядового гражданина. В чем причина? Лицо не всегда может адекватно отследить истечение сроков, в течение которых административное наказание считается погашенным и учитывается в качестве признака преступления. Правовая неопределенность усугубляется сложностью исчисления этих сроков, а также проблемами разграничения тождественных и однородных правонарушений при квалификации.

Важное направление совершенствования – введение материального критерия криминализации [3, с. 81]. Криминализация по признаку преюдиции должна наступать не автоматически, а только при условии, что повторное деяние причинило существенный вред охраняемым законом интересам либо принесло крупный доход. Такой подход позволит отсеять малозначительные случаи и сосредоточить усилия правоохранительных органов на борьбе с действительно общественно опасными деяниями.

Совершенствование системы наказаний за преступления с преюдициальным составом – еще одно значимое направление реформы уголовного права. Оно соответствует общим тенденциям гуманизации и поиска адекватной меры государственного принуждения [4, с. 88]. Ключевая задача здесь – последовательная дифференциация санкций с их переориентацией на наказания, не связанные с лишением свободы. Какова природа преюдициальных составов? Для них характерна невысокая общественная опасность единичного деяния, но повышенная вредоносность в силу повторности. Это делает нецелесообразным широкое применение изоляции от общества. В этой связи наиболее релевантными и соответствующими специфике таких преступлений выглядят меры воздействия, направленные непосредственно на сферу возникновения противоправного поведения. Речь идет, в частности, о системе штрафов, оказывающих действенное имущественное воздействие; об обязательных работах, обеспечивающих неотвратимость наказания без разрыва социальных связей; а также о запрете занимать определенные должности – это обладает высоким превентивным потенциалом в случаях злоупотреблений в профессиональной деятельности. Подобная трансформация санкционного аппарата позволит не только достичь принципов справедливости и соразмерности, но и минимизировать негативные социальные последствия, связанные с избыточной криминализацией, способствуя тем самым эффективной ресоциализации правонарушителей.

Теоретическое осмысление административной преюдиции требует выработки баланса между двумя разнонаправленными задачами. Первая – обеспечить эффективное противодействие правонарушениям. Вторая – не допустить ущемления прав личности. Для этого в дальнейших исследованиях необходимо сформулировать четкие критерии разграничения: в каких ситуациях применение преюдициальной конструкции оправданно, а в каких ведет к избыточной криминализации. Полезным дополнением станет сравнительно-правовой анализ зарубежных аналогов. Изучение моделей, существующих в иных правовых семьях и национальных юрисдикциях, способно предложить альтернативные способы конструирования, ограничения и процессуального оформления административной преюдиции.

Следовательно, административная преюдиция представляет собой неоднозначный институт уголовного и административного права. Ее возникновение и развитие отражают объективную потребность

государства в гибких формах реагирования на новые вызовы и угрозы в изменяющейся социальной среде. Однако такая правовая модернизация не должна осуществляться в ущерб фундаментальным принципам правового государства. К числу этих принципов относятся презумпция невиновности, принцип виновной ответственности, право на справедливое судебное разбирательство и требование соразмерности наказания.

В связи с этим дальнейшее устойчивое существование и легитимность института административной преюдиции в системе отечественного права возможны исключительно при условии его глубокой и продуманной законодательной оптимизации. Такая оптимизация должна быть направлена не на косметические изменения, а на системное реформирование. Конечная цель – обеспечить действие конституционных принципов справедливости, соразмерности и виновной ответственности в рамках процедур, связанных с преюдициальностью. Только при соблюдении этого фундаментального условия данный институт сможет эффективно выполнять свои утилитарные функции в механизме правового регулирования, не подрывая общественного доверия к правовой системе в целом и не создавая угрозы для неправомерного ограничения прав граждан. Совершенствование законодательства в этой сфере должно учитывать необходимость сохранения баланса между интересами общества и правами личности, между эффективностью борьбы с преступностью и требованиями справедливости.

Список библиографических ссылок

1. Крапива И. И. Административная преюдиция в уголовном праве // Закон и право. 2025. № 2. С. 254–259.
2. Богданов А. В. Административная преюдиция и реализация принципов справедливости и законности в уголовном праве // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С 142–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-i-realizatsiya-printsipov-spravedlivosti-i-zakonnosti-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya->

preyuditsiya-v-ugolovnom-prave-problemy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 22.09.2025).

Библиографический список

1. Сибагатуллин, Ф. Ф. Вопросы совершения побоев лицами, подвергнутыми административному наказанию или имеющими судимость / Ф. Ф. Сибагатуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2 (7). – С. 87–90.

© Джафарова А. А., 2026

Публикация частного права: вынужденная мера или угроза автономии воли?

Произведенное римскими юристами много веков назад разделение «общего» и «частного» продолжительное время являлось стандартом. Логика вполне понятна. С одной стороны государственные интересы с его предписаниями, с другой – личное пространство человека, с его правом договариваться, о чем он хочет. Именно такое дистанцирование государства и жизни населения было гарантом предсказуемости всей системы права. Однако, начиная с XXI в., незыблемая ясность начинает исчезать, стирая грань между «личным» и «государственным».

Тему статьи актуализирует нарастающий процесс «публикации» частноправовых отношений. Сегодня можно наглядно наблюдать, как государство вторгается в те интересы, в которых ранее царствовала полная свобода. Объяснение со стороны властей имеет четкую цель – защита национальной безопасности, поддержка слабых и охрана правопорядка. В результате государство диктует свои правила в области цифровизации, вмешивается в бизнес и сделки международного характера. Вопрос однозначен – где должна быть проведена черта? Согласны, что в некоторых случаях вмешательство необходимо. В условиях, когда доминирующее значение начинает приобретать искусственный интеллект, свобода договора может превратиться в пустой звук. Контроль государства в таких ситуациях необходим, но можно «перегнуть палку» и гражданское общество лишится своего права делать самостоятельный выбор [1, с. 117].

Сегодня среди ученых правоведов избранная для написания статьи тематика активно дискутируется. Сторонники «социального права» придерживаются утверждения, что начиная с 2020 г., классическая автономия воли стала «превращаться» в «право сильнейшего». Для того чтобы защитить равенство необходимо вмешательство государства (публикация). Неправильно право собственности считать абсолютной властью над вещью, а функцию государства социального характера – обремененной экологическими и общественными обязательствами. Такому мнению возражают традиционалисты, высказывая убежденность в том, что провозглашая защиту слабых (потребителей,

работников), государство ориентировано на расширение контроля и лишение частного права его основной ценности – свободы личной инициативы [2, с. 46].

Не менее интересную точку зрения высказывают техно-оптимисты, придерживаясь убежденности, что только смарт-контракты и новые алгоритмы способны создать самоисполняемую среду, в которой традиционное публичное право бессильно. С таким мнением спорят государствоцентристы, настаивая на том, что в цифровом пространстве доминировать должен публичный интерес [1, с. 117].

Дискутируют авторы и вокруг крупных цифровых платформ, споря о том, являются ли правила пользования экосистемами частным договором или они уже «перевоплотились» в локальные законы (публичные нормы). Есть мнение, что платформы должны признаваться «квазигосударствами», и к правоотношениям с пользователями должны применяться нормы конституционного и административного права, ограничивающие их произвол. В целом теоретический конфликт сводится к единому вопросу – защищает ли публичное право частные интересы или поглощает их? Ученые в своем большинстве считают, что общество движется к «конвергентному праву», когда классическое разделение на две сферы перерастает в методический прием из учебной литературы.

Если вернуться на десять лет назад, например, в суд, рассматривающий международный спор, то можно увидеть, что в нем ссылок на «публичный порядок» нет. А если они и встречаются, то только как крайнее средство. В условиях сегодняшнего дня такое средство стало инструментом повседневности. Судебные инстанции без лишних сомнений аннулируют частные договоры при их нарушении не просто конкретной статьи закона, а неких базовых ценностей. Причем список таких ценностей постоянно возрастает, к ним стали относиться экологические требования, и даже этические правила работы с искусственным интеллектом [3, с. 117].

Подтверждением этого является создание института комплаенса. Государство фактически делегирует частным компаниям обязанность осуществлять публичный надзор, т. е. проверять чистоту транзакций, мониторить поведение пользователей, блокировать активы, не имея судебного решения. В результате частный субъект (например, учреждение банка) действует как орган, наделенный властными полномо-

чиями, применяя к своему клиенту санкции, свойственные административному праву [4, с. 27].

Жесткой типизации в цифровых экосистемах сегодня подвергается свобода договора. Законодатель устанавливает «неотчуждаемые права пользователей», не изменяемые соглашением сторон. Смарт-контракты, несмотря на их техническую автономность, принудительно дополняют «правовыми предохранителями», позволяющими государственным органам осуществлять вмешательство в исполнение обязательств при наличии публичного интереса. Анализ описанных процессов обязывает ответить на вопрос: продолжит ли автономия воли оставаться жизнеспособным принципом?

В условиях информационной асимметрии классическое представление о «равенстве сторон» становится иллюзией. В этом контексте публикация частного права выглядит не как покушение на свободу, а как защитный механизм. Государство «вторгается» в договор, чтобы восполнить дефицит переговорной силы у слабого субъекта. Однако риски остаются: чрезмерная публикация приводит к «зарегулированности», где частное лицо теряет право на риск и ошибку, становясь лишь объектом государственного попечения.

Подводя итог анализу процесса «публикации» частного права, можно констатировать, что юридическая наука и практика столкнулись с необратимой трансформацией традиционного дуализма. Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, следует признать, что истина лежит в плоскости динамического равновесия.

Публикация частного права – это не кризис и не упадок, а новая форма существования права в сложном, взаимозависимом мире. Сегодня наблюдается не поглощение одной сферы другой, а формирование гибридной реальности. Для того чтобы правопорядок эффективно развивался во второй половине 2020 гг. законодателю и судам нужно было придерживаться принципа «соразмерного вмешательства» – публичные нормы должны защищать правовые отношения, не ограничивая при этом живое творчество частных субъектов. Автономия воли хоть и остается высшей ценностью, сегодня она нуждается не в изоляции от государства, а в умных гарантиях со стороны публичного права.

Список библиографических ссылок

1. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.
2. Иванов А. А. Право цифровых платформ: между частным интересом и публичным регулированием // Закон. 2025. № 8. С. 44–56.
3. Рожкова М. А. Цифровое право: теоретические основы и практическое применение: учебник. М.: Статут, 2026. 410 с.
4. Суханов Е. А. Проблемы развития современного гражданского права / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. 2025. Т. 25. № 1. С. 9–31.

Библиографический список

1. Белых, В. С. Публичное и частное право в условиях цифровизации экономики: тенденции и перспективы / В. С. Белых // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 22–35.
2. Витрянский В. В. Гражданское право в условиях трансформации социально-экономических отношений: монография / В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2025. – 320 с.
3. Гаджиев, Г. А. Публичный порядок как правовая категория в решениях Конституционного Суда РФ / Г. А. Гаджиев // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2025. – № 2. – С. 15–28.
4. Тихомиров, Ю. А. Правовое пространство: границы и динамика / Ю. А. Тихомиров // Право и экономика. – 2024. – № 11. – С. 5–12.
5. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – Изд. 3-е. – Москва : Статут, 2022. – 250 с.

© Жуланов А. В., 2026

Спорные вопросы применения административного ареста в контексте реализации принципов справедливости и соразмерности

Институт административного ареста, закрепленный в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, представляет собой одну из наиболее строгих мер государственного принуждения в системе административных наказаний. В соответствии с системой административных наказаний, закрепленных законодателем в ст. 3.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), административный арест является одним из самых строгих видов административных наказаний, который должен влечь за собой отрицательные последствия для правонарушителя [1]. Административный арест представляет собой вид государственного принуждения, который обращается на личность правонарушителя путем ограничения личных свобод такого субъекта [2, с. 365]. Уникальность данного вида наказания обусловлена его исключительным характером, связанным с изоляцией правонарушителя от общества, что объективно сближает его с мерами уголовно-правового воздействия. Современная правоприменительная практика демонстрирует наличие значительного количества дискуссионных моментов, возникающих при реализации норм об административном аресте, что обуславливает необходимость их тщательного научного осмысления.

Значительный комплекс проблем связан с соблюдением принципа соразмерности при назначении административного ареста. Указанный принцип, являющийся фундаментальным в правовой системе, предполагает соответствие строгости применяемого наказания характеру совершенного правонарушения, обстоятельствам его совершения и индивидуальным особенностям личности правонарушителя. В данном контексте вызывает обоснованные сомнения правомерность применения административного ареста за отдельные категории административных правонарушений, не отличающихся значительной степенью общественной опасности.

Особую озабоченность научного сообщества вызывает наличие в КоАП РФ правовых норм, предусматривающих административный

арест в качестве единственной и безальтернативной санкции. Ярким примером подобного регулирования служит норма, установленная за уклонение от исполнения административного наказания [3, с. 132]. Подобный законодательный подход лишает правоприменителя в лице судьи возможности индивидуализировать наказание с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела и характеристик личности правонарушителя. Фактически это приводит к ситуации, при которой за неисполнение определенной обязанности, в частности, обязанности по уплате административного штрафа, лицо подвергается кратковременному, но полному лишению свободы. Подобная правоприменительная практика вызывает серьезные возражения с позиции соответствия принципам справедливости и соразмерности юридической ответственности.

Представляется научно обоснованной позиция, согласно которой федеральному законодателю следует осуществить пересмотр указанного подхода и предусмотреть в санкциях соответствующих статей КоАП РФ альтернативные виды административных наказаний. В качестве подобных альтернатив могут рассматриваться обязательные работы или штраф в значительном размере. Реализация данного предложения позволила бы судебным органам осуществлять выбор меры государственного принуждения с учетом конкретных обстоятельств дела и характеристик личности правонарушителя, что в полной мере соответствует принципам института административной ответственности.

Следующей значимой проблемой является обеспечение надлежащих процессуальных гарантий прав личности при назначении административного ареста [4, с. 47]. Процедура назначения данного вида административного наказания характеризуется наличием ряда процессуальных особенностей, которые могут создавать препятствия для реализации конституционного права на справедливое судебное разбирательство.

Первостепенное значение имеет вопрос о сроках рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих применение ареста. В соответствии с действующим административно-процессуальным законодательством, указанные категории дел подлежат рассмотрению в чрезвычайно сжатые временные промежутки. Дело об административном правонарушении, санкция за которое предусматривает возможность применения ареста, подлежит рассмотрению

в день получения соответствующего протокола, тогда как дело о правонарушении, совершенном физическим лицом, должно быть рассмотрено в срок, не превышающий сорока восьми часов с момента фактического задержания. Столь ограниченные временные рамки зачастую не предоставляют достаточных возможностей для осуществления полноценной подготовки к защите, детального ознакомления со всеми материалами административного дела и привлечения защитника.

Существенную обеспокоенность вызывает установленный порядок исполнения постановления суда об административном аресте. В соответствии с действующим законодательством указанное постановление подлежит немедленному исполнению. Данное положение означает, что лицо подвергается лишению свободы до момента реализации своего права на обжалование вынесенного судебного акта. Фактически это лишает право на обжалование практического содержания, поскольку к моменту рассмотрения соответствующей жалобы назначенное наказание уже оказывается полностью исполненным. Подобный законодательный подход порождает обоснованные сомнения в части его соответствия конституционным принципам и общепризнанным стандартам в области защиты прав и свобод человека.

Для разрешения указанных проблемных вопросов представляется научно обоснованным и практически целесообразным пересмотр и последующее увеличение процессуальных сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих применение ареста. Подобная мера позволила бы обеспечить реализацию права на защиту в полном объеме. Помимо этого требуется законодательное закрепление обязанности органов, осуществляющих административное задержание, по обеспечению незамедлительного и реального доступа задержанного лица к квалифицированной юридической помощи. Внимания заслуживает и предложение о введении правила, предусматривающего возможность отсрочки исполнения постановления об административном аресте на срок, необходимый для подачи краткой апелляционной жалобы.

Серьезную научную дискуссию вызывает проблема сходства административного ареста и уголовного наказания [5, с. 30]. Формально арест – это мера административной ответственности, но материальная сущность (лишение свободы) объективно сближает его с уголовным наказанием, создавая феномен «скрытой криминализации». При этом процедура применения ареста лишена многих процессуальных гаран-

тий, присущих уголовному судопроизводству (строгие правила доказывания, презумпция невиновности), что создает правовой парадокс: строгое наказание назначается без адекватных процессуальных стандартов. Хотя арест не влечет судимости, его факт может формировать негативную характеристику личности и учитываться в дальнейшем. Для решения этой проблемы требуется законодательно закрепить систему повышенных процессуальных гарантий по делам об административном аресте, максимально приближенных к стандартам уголовного судопроизводства, чтобы обеспечить соответствие между строгостью наказания и уровнем правовой защиты.

В заключение следует отметить, что институт административного ареста в его современном нормативном закреплении содержит системные проблемы, создающие реальные риски нарушения прав человека и принципа верховенства права. Основные дискуссионные вопросы сводятся к нарушению принципа соразмерности, недостаточности процессуальных гарантий на стадии назначения наказания и размыванию границы между административной и уголовной ответственностью.

Список библиографических ссылок

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34661/ (дата обращения: 27.09.2025).
2. Равнюшкин А. В. Административный арест как вид административного наказания через призму концепции нового КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 364–370.
3. Морозова Н. А. Безальтернативные административные санкции // Журнал российского права. 2019. № 3 (267). С. 129–138.
4. Коновалова Л. Г., Гришакова А. А. Проблемы применения административного наказания в виде административного ареста // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2 (35). С. 46–49.
5. Звонов А. В. К вопросу о корреляции системы уголовных наказаний с системой административных наказаний // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1 (58). С. 26–38.

Иловайский И. Б.,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Тронева М. С.,
Общество с ограниченной ответственностью «Альянс»

Правовая природа договора комплексного развития территорий – проблемы правовой квалификации

Сейчас часто по телевизору показывают страны Латинской Америки, а также проблемы, которые преследуют эти страны. Одной из них являются так называемые фавеллы – трущобы стихийной застройки жилищ бедноты, в которых отсутствуют элементарные инфраструктурные объекты, такие как электричество, канализация, водопровод и т. п. Подобная проблема знакома и городу Волгограду: в послевоенное время на руинах разрушенного Сталинграда происходило неуправляемое частное строительство, следы которого видны в нашем городе и до сих пор. Однако нельзя сказать, что действующие органы исполнительной власти не пытались решать такой сложный вопрос, российское государство много делало для решения жилищной проблемы и улучшения окружающей жизни. В советское время значительные финансовые ресурсы были направлены в эту сферу, и в каждом городе СССР появился общий градостроительный план застройки. Эволюционным элементом продолжения этой деятельности в современное время, а также ее нормативным подкреплением стало принятие Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ) [1]. Именно в п. 34 ст. 1 этого правового акта появилось такое понятие, как комплексное развитие территорий, под которым понимают совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов. В гл. 5.1. этого закона выделили четыре вида комплексного развития территорий: 1) жилой застройки; 2) нежилой застройки; 3) незастроенных территорий; 4) развитие территорий по инициативе правообладателей земельного участка.

На фоне развития рыночных отношений и ухода государства из многих сфер хозяйственной жизни законодатель решил, что реали-

зация этой деятельности должна осуществляться на обязательственно правовой основе, а именно посредством особого соглашения – договора комплексного развития территорий, фундамент правового регулирования которого был установлен в ст. 68 ГрК РФ. Это новая разновидность договорного обязательства в российском праве, посредством которого осуществляется регуляция отношений между государством (органом исполнительной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления), с одной стороны, и застройщиками, а также такими участниками процесса развития определенных территорий, как правообладатели земельных участков или объектов недвижимости на территории комплексного развития, – с другой стороны.

Целью формирования подобных правоотношений является стремление обеспечить согласованное и эффективное развитие городской среды, включая строительство жилья, инфраструктуры и создание комфортных условий для жизни. Поэтому предметом указанного договора выступает распределение обязанностей между его сторонами по выполнению отдельных действий, направленных на реализацию решения о комплексном развитии конкретной территории. В число такого рода мер, как правило, включаются: 1) подготовка и утверждение документации по планировке территорий; 2) образование и предоставление земельных участков; 3) снос, сооружение и реконструкция объектов капитального строительства и другие действия. К числу существенных условий рассматриваемого соглашения относятся: сведения о местоположении, площади и границах территории комплексного развития; перечень находящихся на ней объектов, в том числе транспортной, инженерной и социальной инфраструктур; этапы и сроки реализации проекта [2, с. 14].

Анализ складывающихся при реализации договора о комплексном развитии территорий правовых связей позволяет утверждать, что такое соглашение является консенсуальным, так как оно считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям. Каждый из таких субъектов имеет совокупность своих права и обязанности по отношению к другой стороне, т. е. это обязательство имеет взаимный характер. По своему субъектному составу рассматриваемые правоотношения могут быть двусторонними, например, заключенными между органами власти и застройщиком, а могут носить и черты многостороннего договора, когда к указанным лицам присоединяются другие заинтересованные участники, интересы

которых будут направлены на разные элементы предмета этого соглашения. В этом случае договор о комплексном развитии территорий становится сложным многосубъектным обязательством с многофункциональной совокупностью прав и обязанностей участвующих в нем лиц. Его иной специфической особенностью выступает безвозмездный характер, так как ни одна из сторон не получает материального возмещения за выполненные работы и оказанные услуги, включая безвозмездную передачу в публичную собственность объектов недвижимости, построенных частным партнером за свой счет.

Вполне естественно, что правовая природа такого договора вызывает многочисленные споры среди юристов и практиков. С одной стороны, он явно обладает признаками договорного обязательства сложного характера, объединяющего элементы разных гражданско-правовых соглашений (например, подрядных обязательств в области строительства и его разновидностей, таких как договор строительного подряда или подряда на подготовку проектной документации, или договоров о подключении (технологическом присоединении) к сети инженерно-технического обеспечения и т. п.). С другой стороны, нельзя отрицать наличие в таком соглашении публично-правовых элементов, во-первых, связанных с функцией по управлению развитием городской среды; во-вторых, содержащих компоненты административно-правового акта, который регулирует порядок и условия строительства, составление и утверждение проектных решений и схем развития, в том числе контроль не только за их исполнением, но и за функционированием социальной и инженерной инфраструктур. Более того, участие в рассматриваемых правоотношениях как частных лиц, так и органов исполнительной власти, сближает эти обязательства с договорами о государственно-частном партнерстве.

Вышеизложенное придает анализируемым соглашениям особый статус, что приводит к сложностям в его правовой квалификации, поскольку их регулирование лежит в плоскости разных отраслей права. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что не всегда ясно, как совместить договорные обязательства с публично-правовыми процедурами. Возникает проблема не только конкуренции между нормами гражданско-правовых и административных актов, но и столкновения правил градостроительного, земельного, антимонопольного и экологического законодательства. Такая несогласованность приводит к существенному затруднению по исполнению

рассматриваемых соглашений и реализации проектов комплексного развития территорий [3, с. 61].

Перечисленные сложности отражаются и на поле практического применения указанных нормативов. Судебные органы по-разному трактуют и применяют их, что вызывает правовую неопределенность и затрудняет защиту прав участников таких правоотношений [4, с. 12].

Решение указанной проблематики, на наш взгляд, должно носить комплексный и системный характер. Во-первых, необходимо объединить усилия теоретиков права и практиков по исследованию юридической сущности такого рода обязательств. Результатом этого совместного труда мог бы стать рекомендательный акт о совершенствовании как норм права в этой сфере, так и правоприменительной практики по аналогии с Концепцией развития гражданского законодательства РФ от 07.10.2009. Во-вторых, было бы верным шагом, если бы законодатель, в том числе на основе теоретических исследований, провел систематизацию правовых актов в рассматриваемой области. И, в-третьих, Верховный суд РФ должен обобщить судебную практику по спорам, связанным с исполнением договоров о комплексном развитии территорий и дать соответствующие разъяснения по спорным и неоднозначным ситуациям. Как нам представляется, только такая совокупность мероприятий сможет обеспечить юридическую ясность и стабильность отношений между всеми участниками развития территорий.

Список библиографических ссылок

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

2. Кирсанов А. Р. Договор о комплексном развитии территории: правовая природа и существенные условия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7. С. 8–18.

3. Бандорин Л. Е., Башарин А. В. О поиске баланса между публичными и частными интересами при комплексном развитии территории // Закон. 2023. № 12. С. 55–66.

4. Кирсанов А. Р. Комплексное развитие территорий: итоги, проблемы, перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4. С. 9–16.

© Иловайский И. Б., Тронева М. С., 2026

Развитие института брака в современном российском законодательстве

Развитие института брака в современном российском законодательстве представляет собой сложный и многоплановый процесс, обусловленный трансформацией социальных, экономических и культурных оснований семейных отношений. Брак, являясь одной из наиболее устойчивых форм социального взаимодействия, в то же время остается подвижным правовым явлением, реагирующим на изменения общественных установок, демографических тенденций и государственной политики. В российской правовой системе институт брака традиционно рассматривается как фундамент семейных отношений, через который осуществляется правовое опосредование совместной жизни супругов, их взаимных прав и обязанностей, а также формируется пространство для воспитания детей и воспроизводства населения. Вместе с тем современный этап развития российского общества выявляет противоречие между нормативным идеалом брака, закрепленным в законодательстве, и фактическими моделями поведения граждан, что требует углубленного научного осмысления [1, с. 48].

С точки зрения действующего права брак в Российской Федерации представляет собой юридически оформленный союз мужчины и женщины, заключаемый в органах записи актов гражданского состояния и порождающий комплекс личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей супругов. Такое понимание брака подчеркивает его формально-правовую природу и отличает от фактического сожительства, которое, несмотря на распространенность в обществе, не признается юридическим фактом, равнозначным зарегистрированному браку. Вместе с тем правовое определение брака не исчерпывает его социального и ценностного содержания. Брак одновременно выступает и правовой конструкцией, и морально-нравственным институтом, основанным на идеях взаимной ответственности, солидарности и долговременного партнерства. Именно эта двойственная природа брака обуславливает особую чувствительность института к изменениям общественного сознания.

Российское семейное законодательство на протяжении последних десятилетий неоднократно подвергалось корректировке, что отражает стремление государства адаптировать правовое регулирование брачно-семейных отношений к новым социальным реалиям. Понимание брака как союза мужчины и женщины охраняется Конституцией Российской Федерации. Это подчеркивает приоритет традиционной модели семьи в системе базовых ценностей государства [2]. Положения Семейного Кодекса Российской Федерации [3] детально определяют: как заключить брак, на каких основаниях и в каком порядке его можно расторгнуть, а также в каких случаях он может быть признан недействительным. Подобный подход помогает законодателю достичь баланса между свободой личности и интересами семьи как социального института.

Несмотря на относительную стабильность нормативной конструкции института брака, эмпирические данные свидетельствуют о нарастании кризисных явлений в сфере брачно-семейных отношений. Согласно официальной статистике в 2024 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 880 026 браков, что на 7,5 % меньше по сравнению с предыдущим годом, при этом количество расторгнутых браков составило 644 464 [4]. Таким образом, на каждые десять заключенных браков приходится около восьми разводов, что позволило отнести Россию к числу стран с наиболее высоким уровнем разводимости. Аналогичные процессы прослеживаются и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Так, в Волгоградской области в 2024 г. органами записи актов гражданского состояния было зарегистрировано свыше 13 тыс. браков, при этом количество расторгнутых браков составило около 4,6 тыс., что, с одной стороны, свидетельствует о превышении числа браков над разводами, а с другой – указывает на сохраняющуюся нестабильность части брачных союзов и необходимость комплексного анализа региональных особенностей семейно-брачного поведения населения [5].

Данные показатели свидетельствуют об устойчивой тенденции снижения брачной активности при практически неизменном уровне разводов, что в совокупности формирует негативный демографический фон. Уменьшение количества заключаемых браков сопровождается откладыванием вступления в брак на более поздний возраст, а также ростом числа пар, сознательно отказывающихся от рождения детей. По данным социологических исследований, значительная часть молодежи рассматривает создание семьи как событие, возможное

лишь после достижения материальной стабильности, что, как правило, соотносится с возрастом 28–30 лет и старше [4]. Одновременно снижается репродуктивная установка: лишь около трети молодых людей выражают твердое намерение иметь детей, что усугубляет демографические риски.

Причины высокой разводимости и снижения привлекательности зарегистрированного брака носят комплексный характер и выходят за рамки собственно семейного права. В числе наиболее значимых факторов исследователи называют экономическую нестабильность, жилищные проблемы, изменение гендерных ролей, рост индивидуалистических ценностей, а также ослабление социальной зависимости супругов друг от друга. Существенную роль играет и распространение модели потребительского отношения к браку, при которой семейные обязательства воспринимаются как ограничение личной свободы. В этих условиях правовые нормы, направленные на укрепление брака, оказываются недостаточными без поддержки со стороны социальной, экономической и образовательной политики государства.

Демографический аспект развития института брака заслуживает особого внимания. Снижение рождаемости, зафиксированное в России после 2015 г., привело к тому, что к началу 2025 г. суммарный коэффициент рождаемости составил около 1,4 рождения на одну женщину при необходимом для простого воспроизводства населения уровне 2,1 [6, с. 253]. Данная ситуация напрямую связана с кризисом института семьи и брака, поскольку именно зарегистрированный брак традиционно рассматривается как наиболее благоприятная среда для рождения и воспитания детей. Следовательно, развитие института брака приобретает не только правовое, но и стратегическое значение для социальной безопасности государства.

Совершенствование семейного законодательства в части регулирования брачных отношений должно осуществляться с учетом выявленных проблем. Представляется целесообразным рассмотреть возможность расширения перечня препятствий к заключению брака за счет включения в него более широкого круга близких родственников, что может способствовать снижению рисков рождения детей с наследственными заболеваниями и укреплению биологического благополучия семьи. Кроме того, в целях сокращения числа поспешных разводов обоснованным выглядит введение обязательной примирительной процедуры с участием семейного психолога, которая позволила бы супру-

гам осознанно оценить перспективы сохранения брака. Дополнительно может быть рассмотрен вопрос о введении минимального срока, в течение которого подача заявления о расторжении брака невозможна, что способствовало бы стабилизации вновь созданных семей.

Наряду с изменениями в семейном законодательстве большое значение имеют меры межотраслевого характера. Так, корректировка налоговой политики с учетом семейного статуса и наличия детей могла бы повысить экономическую привлекательность официального брака.

Устойчивость браков укрепляют меры по совмещению трудовой деятельности и семейных обязанностей. К таким мерам относятся: внедрение гибких форматов занятости, развитие инфраструктуры дошкольного образования, расширение системы социальной поддержки родителей. Нужно отметить, что законодательные меры не способны заменить морально-нравственные основы семьи. Воспитание уважительного отношения к институту брака требует последовательной работы в области образования, культуры и общественного воспитания.

Институт брака в современной России развивается динамично, и этот процесс отражает неоднозначные общественные тенденции. С одной стороны, законодательство закрепляет институт брака: такая модель находится под защитой государства и имеет высокую социальную ценность. С другой стороны, статистика фиксирует снижение стабильности браков и уменьшение их демографического потенциала. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что развитие института брака требует комплексного подхода: совершенствование нормативно-правовой базы и проведение активной социальной и демографической политики. Цель подобных мер вернуть институту семьи статус фундамента, на котором строится устойчивое развитие общества и государства.

Список библиографических ссылок

1. Лукманова П. А. Особенности правового регулирования современного института брака // Молодая наука Заполярья. 2025. С. 47–55.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Разводы России: мониторинг / ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-mn> (дата обращения: 21.12.2025).

5. Число браков превышает количество разводов среди волгоградцев. URL: <https://volg.mk.ru/social/2024/12/18/chislo-brakov-prevyshaet-kolichestvo-razvodov-sredi-volgogradcev.html?ysclid=mjepe9vfja649145521> (дата обращения: 21.12.2025).

6. Овчинникова М. Д. Порядок и правовые последствия прекращения брака // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 251–254.

© Кагазежева Ж. М., 2026

Возражение на экспертное заключение в гражданском и арбитражном процессах

В гражданском и арбитражном процессах стороны наделены широкими процессуальными правами и обязанностями при рассмотрении дела в суде.

Их общим правом является возможность приводить свои доводы и соображения по делу и по представленным доказательствам, в частности относительно поступившего в суд заключения эксперта.

Суд должен оценить заключение эксперта по критериям относимости, допустимости и достоверности.

Если имеющаяся в деле экспертиза не оспорена сторонами, то она является решающим доказательством по делу.

В гражданском и арбитражном процессе при назначении экспертизы стороны наделены достаточно широкими правами: представить в суд вопросы для эксперта, указать конкретного эксперта или учреждение, заявлять отвод; ходатайствовать о внесении в определение о назначении экспертизы дополнительных вопросов, поставленных перед экспертом; давать ему объяснения; принимать непосредственное участие при проведении экспертизы; знакомиться с заключением эксперта.

Однако после получения результатов экспертизы законодатель не предоставляет таких широких прав сторонам. Они лишь могут знакомиться с заключением эксперта; ходатайствовать перед судом о назначении повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы. Но правом возражать относительно методик проведения экспертизы и ее выводов не наделены.

Единственный вариант ликвидировать неполноту проведенной экспертизы – вызвать эксперта в судебное заседание, где он должен ответить на все вопросы относительно проведенной экспертизы или назначить еще одну экспертизу.

В гражданском процессе стороны чаще всего заявляют суду возражения на результаты проведенной экспертизы. Право на подачу таких возражений предусмотрено в ст. 149 ГПК РФ и ст. 131 АПК РФ и относится только к стороне ответчика – применительно к исковому

заявлению. Они подаются в письменной форме при подготовке дела к судебному разбирательству [1, 2]. Представляется, что суд должен оценивать возражения на заключение эксперта и выносить мотивированное определение о принятии или отклонении содержащихся в них замечаний – с правовым обоснованием. Это аналогично процедуре отклонения вопросов, направленных эксперту перед назначением экспертизы.

При направлении возражений на экспертное заключение стороны уделяют внимание не столько фигуре эксперта, сколько методам проведения экспертизы, полноте исследования, несоответствию выводов в экспертизе первичным доказательствам по делу.

Вариант, который чаще всего используется лицами, участвующими в деле в арбитражном процессе для установления достоверности проведенной экспертизы – это рецензия стороннего лица (специалиста в определенной сфере) на нее.

Жижина М. В. считает, что «заключение эксперта, содержащее вывод в категорической форме, имеет очень серьезное доказательственное значение для суда, не нуждается в дополнительной аргументации и в качестве опровержения сторона может прибегнуть к рецензированию экспертных заключений» [3].

Следует согласиться с А. А. Лукашиным, что заключением специалиста в гражданском и арбитражном процессах является заключение внепроцессуальной экспертизы. «Поскольку в настоящее время цивилистическое процессуальное законодательство не выделяет такого вида доказательств, как заключение специалиста. Возникает вопрос, распространение какого правового режима, какого из законодательно закрепленных средств доказывания будет наиболее соответствовать природе такого документа и позволит обеспечить его правильную оценку» [4].

Считаем, что практика предоставления в суд рецензий на экспертизу должна быть пересмотрена и критически оценена.

Судьи общей юрисдикции относятся отрицательно к рецензиям на экспертизу, но вполне лояльно к замечаниям или возражениям на нее. Например, представитель ответчика САО «Ресо-Гарантия» с заключением проведенной по делу судебной экспертизы не согласилась, ссылаясь, что исследование выполнено с нарушением методических рекомендаций, в расчет приняты незафиксированные повреждения, просила назначить повторную экспертизу по основаниям, изложенным

в дополнительных возражениях и рецензии на судебную экспертизу. Суд в мотивировочной части указал, что не может принять рецензию на заключение эксперта в качестве доказательства по делу. Он критически относится к рецензии, поскольку эксперт, подготовивший ее, не был предупрежден об уголовной ответственности. Кроме того, рецензия составлена без осмотра автомобиля и без изучения материалов дела. В связи с этим суд сомневается в достоверности и объективности выводов рецензии и не находит оснований им доверять. Специалист об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения не предупреждался, материалы дела рецензенту не представлялись [5].

В гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве не существует специального механизма оспаривания заключения эксперта. Есть только один вариант опровержения – просьба к суду о назначении повторной или дополнительной экспертизы. Для выявления этих оснований стороны прибегают к возражениям и рецензиям на нее. В целях принятия судом такого документа необходимо заявить ходатайство о назначении дополнительной экспертизы и приложить к нему возражение или рецензию в качестве обоснования. Для суда неважно, как будет называться такой документ, поскольку основной документ, который направляется суду – это ходатайство и именно в нем должны содержаться все нарушения, допущенные экспертом. Суд будет обязан дать ответ на ходатайство и мотивировать его.

Если рассматривать разницу между возражением и рецензией на экспертизу, то обнаружится главный фактор отличия – это субъект, который их подает. Возражения поступают в суд от стороны по делу, а рецензия составляется посторонним лицом, не участвующим в деле. Такое лицо не привлекается судом ни экспертом, ни специалистом, не имеет процессуального статуса и не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение – в отличие от эксперта.

Возражение на экспертизу в отличие от рецензии следует рассматривать как доказательство по делу, поскольку в перечне средств доказывания в ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ указано, что это могут быть объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации специалистов, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи.

Возражения на экспертизу может быть принято судом как объяснение лица, участвующего в деле в письменной форме в порядке ст. 68 ГПК РФ, ст. 81 АПК РФ, либо возражение на экспертизу можно рассматривать как письменное доказательство по делу.

Для устранения проблем принятия и оценки доказательства, не содержащегося в закрытом перечне ст. 55 ГПК РФ следует скорректировать данную норму по аналогии со ст. 64 АПК РФ, которая допускает представление в суд в качестве доказательств иные документы и материалы.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

3. Жижина М. В. Тактические вопросы использования рецензии на экспертное заключение в судопроизводстве // Арбитражные споры, 2018. № 1. С. 85–91.

4. Лукашин А. А. Проблемы квалификации заключения специалиста в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Адвокатская практика, 2022. № 6. С. 41–45.

5. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 24.07.2024 по делу № 2-2748/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9bTEjePV1fg3/?> (дата обращения: 15.10.2025).

© Кайль Я. Я., 2026

Общественный интерес как социально-правовая категория

Понятие «общественный интерес» традиционно востребовано отечественной юриспруденцией. В научных источниках под ним чаще всего понимается совокупный интерес всех образующих социум социальных групп. Подобная трактовка представляется слишком упрощенной; она не только не проясняет содержания исследуемого понятия, но, напротив, порождает вопросы, обусловленные сложностью структуры современного общества в условиях большинства государств, в том числе России. Следует согласиться с автором, выражающим убежденность в том, что под общественным интересом нельзя непременно понимать общий интерес всех человеческих индивидов и их групп. Абсолютная солидарность всех индивидов (или их групп) в признании некой общей потребности – утопия, поскольку интересы как минимум некоторых из них будут такой потребности противостоят [1].

Действительно, в современном государстве, позиционирующем себя в качестве правового, за каждым человеком, как правило, признается право на сохранение своей культурной идентичности, основу которой образуют национальная и религиозная идентичность. Осознание сопричастности к той или иной культурной группе оказывает существенное влияние на формирование как нравственного, так и правового сознания личности, определяя принимаемую ею систему духовно-нравственных ценностей. Очевидно, что в условиях социума, отличающегося поликонфессиональным и полиэтническим составом, может существовать множество ценностных систем. В ситуации, когда их носители ощущают себя органичной частью социума (условием этого выступает осознание своей гражданской идентичности, чувство патриотизма по отношению к государству, гражданином (подданным) которого ты являешься), можно предполагать наличие неких абстрактных ценностей, способных претендовать на статус общественно значимого интереса. Обществу, в структуре которого высока доля лиц, выступающих носителями нетрадиционной для него, чуждой культуры (это могут быть натурализованные лица либо мигранты), сложно выстраивать систему общих ценностно ориентиро-

ванных интересов, не прибегая к явному предпочтению, отдаваемому той или иной группе.

Логично предположить, что общественный интерес должен выступать категорией, интегрирующей в себе ценности, часто именуемые общепризнанными. Полагаем, что само по себе понятие «общепризнанный» довольно размыто, поскольку нет, пожалуй, ни одного блага нематериального характера, восприятие которого было бы единым, а аксиологическое значение – абсолютным.

В середине прошлого века, когда идеология прав человека получила закрепление на уровне международного права, воплотившись в преамбуле устава ООН и тексте Всеобщей декларации прав человека, считалось априори верным представление о том, что универсальность прав и свобод зиждется на универсальном характере базовых человеческих ценностей – жизни, свободе, чести, неприкосновенности и т. п. Однако практика общественного развития показала, что даже эти ценности не являются универсальными, поскольку восприятие их содержания, как, впрочем, и восприятие большинства нравственных категорий, продиктовано национальными, конфессиональными, традиционными, мировоззренческими и иными особенностями воспринимающего субъекта. Это обстоятельство неизменно приводит к отличиям (иногда существенным) в выборе тех интересов, которые субъект готов признать более значимыми по сравнению со своими частными интересами.

Таким образом, миссия расстановки приоритетов и определения содержания категории, именуемой «общественным интересом», в условиях конкретного социума на конкретном этапе его эволюции возлагается на государство.

Содержание общественного интереса как правовой категории должно лежать в плоскости понятий, имеющих характер общезначимых, но при этом не ориентированных на ценностные предпочтения той или иной социальной группы. В противном случае велика вероятность подмены реальных общественных интересов узкогрупповыми; это обстоятельство ведет к дифференциации общества и провоцирует появление острых социальных противоречий [2].

К сфере общественных интересов можно отнести обеспечение общественной безопасности и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиту общественной нравственности и др. Применительно к последнему понятию отметим, что в условиях современно-

го мультикультурного общества оно нередко становится предметом дискуссий: его содержание меняется под влиянием сторонников идеи гендерной и половой самоидентификации личности, а также трактовки отдельных форм девиантного поведения как нормы.

Как правовая категория общественный интерес активно используется законодателем, однако ни в одном из нормативно-правовых актов он не получил аутентичного толкования. Данное обстоятельство закономерно порождает проблему его использования в правоприменительной деятельности. Это особенно актуально в условиях, когда общественный интерес фигурирует в качестве объекта, защита которого должна осуществляться путем ограничения прав и свобод человека. Примечательно, что субъектами этой деятельности могут выступать как представители государства (например, осуществляющие сбор информации личного характера в ходе оперативно-разыскной деятельности), так и субъекты, не наделенные государственно-властными полномочиями. Примером может служить предусмотренная ст. 50 Федерального закона от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» возможность распространения сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки с целью защиты общественных интересов. Очевидно, что данные действия могут быть сопряжены с ограничением права лица на неприкосновенность его частной жизни.

В условиях социально ориентированной политики государство закономерно возлагает на себя бремя поиска оптимального соотношения частных и общественных интересов. Эти усилия необходимы для облегчения законодателю задачи по формированию отраслевых правовых институтов. Примечательно, что предметом правовой оценки чаще всего выступают общественные отношения, в рамках которых интересы не коррелируют друг с другом, а, напротив, конфликтуют, хотя в идеале законный частный интерес не должен противоречить интересу общественному.

Баланс между объективными потребностями общества и интересами частных лиц необходим для соблюдения принципа системности правового регулирования. При этом любая отрасль права всегда обеспечивает каждый из указанных типов интересов, однако способы их реализации в разных отраслях нередко различаются; в каких-то случаях реализация частных интересов опосредована обеспечением общественных интересов, в других, наоборот, общественные интересы

получают удовлетворение при реализации частных интересов [3]. Примером может служить возможность удаления физических лиц с отдельных участков местности и объектов на территории действия режима контртеррористической операции (п. 2 ч. 3 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму»). Обеспечение общественной безопасности как безусловного общественного интереса выступает способом обеспечения и личной безопасности граждан, пребывающих в пределах указанной территории.

Очевидно, что институт общественных интересов нуждается в четкой, конкретизированной юридической форме, в силу чего можно утверждать, что понятие защищаемого общественного интереса нуждается в официальном толковании, предпочтительно нормативного уровня. Это поможет избежать или хотя бы снизить количество ситуаций правоприменительного усмотрения, способных выйти за рамки законодательной воли.

Список библиографических ссылок

1. Туманов Д. А. Об общественном интересе и его судебной защите // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 54–70.
2. Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 174–183.
3. Туманов Д. А. Защита общественных интересов исками и судебными решениями о сносе самовольной постройки: некоторые вопросы // Правовые вопросы недвижимости. 2025. № 1. С. 29–31.

© Кальченко Н. В., 2026

Каплунова Н. А.,
помощник нотариуса города Волгограда Пенской Н. А.

Протоколы в нотариальном производстве и гражданском судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ

С точки зрения юриспруденции протокол, в первую очередь, представляет собой документ, т. е. «зафиксированную на носителе информацию с реквизитами и / или метаданными, позволяющими ее идентифицировать» [1]. Вторая особенность заключается в том, что данный документ необходим для целей закрепления фактических обстоятельств. В-третьих, данный документ применяется в рамках определенной процедурной формы, соответствующей нормам права. Например, проведение голосования, заседание квалификационной коллегии судей, проведение следственных действий, проведение судебного заседания, проведение процессуального действия в виде осмотра письменных доказательств или допроса свидетеля и т. п. В-четвертых, протокол должен быть составлен уполномоченным лицом. Такие полномочия у лица появляются либо на основании закона, либо в силу принятия решения об этом участниками юридически значимого события. Таким образом, протокол есть официальный документ, т. е. «документ, который создается, заверяется, выдается в установленном законом или иным нормативным актом порядке органом государственной власти, иным государственным органом, органом местного самоуправления или иной уполномоченной организацией, уполномоченным должностным лицом и удостоверяет юридически значимые факты».

Прежде чем перейти к сравнительному анализу процессуальных протоколов в судопроизводстве и нотариальной практике, следует оговориться, что речь будет идти о гражданском и / или арбитражном процессах, а также о нотариальном производстве. В свою очередь, нотариальное обеспечение доказательств, результатом которого выступает составление протокола нотариусом, само по себе является системой процессуальных действий, основанных на нормах гражданского процессуального законодательства Российской Федерации. Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена правовая возможность обеспечения доказательств нотариусом в уголовном деле. Тем не менее, нотариальный протокол, предъявленный в гражданском

деле, может быть в дальнейшем предъявлен и в уголовное дело, т. е. нет ограничений в дальнейшем использовании протокола.

Произведем далее сравнительный анализ протоколов в гражданском судопроизводстве и нотариальной практике по следующим критериям: 1) виды протоколов; 2) закрепленное в законе требование (обязательность) ведения протокола; 3) форма протокола; 4) правовые последствия несоблюдения формы протокола; 5) применение технических средств при составлении протокола; 6) привлечение экспертов и свидетелей; 7) субъект, ведущий протокол; субъекты, подписывающие протокол и ответственные за его содержание; 8) доказательственный статус протокола; 9) структура и содержание; 10) замечания участников на протокол; 11) оплата расходов за составление протокола.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать следующие выводы: во-первых, характер правовой регламентации процедуры вынесения нотариальных протоколов и протоколов гражданского и арбитражного судопроизводства различен. Порядок принятия и содержание судебного протокола детализирован на уровне процессуально-правовых актов, а процедура обеспечения доказательств нотариусом не имеет подробной регламентации на уровне норм нотариального права, применяется аналогия правовых норм, содержащихся, в первую очередь, в гражданском процессуальном законодательстве, а также рекомендательные нормы. Это находит свое отражение в составлении протокола нотариусом, обладающего знаниями в области нотариального и процессуального права и владеющего практическими навыками для совершения действий по обеспечению доказательств.

Во-вторых, процессуальные цели нотариально удостоверенного протокола и протокола гражданского или арбитражного судопроизводства различны и обусловлены публично-правовым статусом лица их составившего. Главная цель судебной власти – отправление правосудия, главная цель нотариата как правового института – защита гражданских прав и охрана законных интересов. Эти цели имеют свое прямое правовое отражение в актах, в том числе протоколах, составляемых судьями и нотариусами. Протоколы обеспечения доказательств нотариусом имеют доказательственное значение для гражданского судопроизводства. Задача нотариуса – «своевременно выявить имеющиеся доказательства, облечь их в форму процессуальных документов» [2, с. 290], т. е. подготовить для заявителя, имеющего намерение обратиться в судебные или административные органы, надлежа-

щий нотариальный документ в виде протокола [3] как на бумажном носителе (в случае личной явки), так и в электронном виде (в случае обращения в дистанционном формате), подробно изложив результаты осмотра с изготовлением необходимых приложений к протоколу, в том числе распечатки скриншотов страниц сайта [4], распечатки страниц текста переписки [5], содержащейся в мобильном или компьютерном устройстве, с приложением флеш-накопитель с заслушанной аудио- или просмотренной видеозаписью.

В-третьих, нотариальные протоколы и протоколы гражданского и арбитражного судопроизводства обладают как сходными, так и качественно отличающимися признаками.

К общим признакам судебного и нотариального протоколов можно отнести: видовое совпадение в части совершения отдельных процессуальных действий; закрепленная законом обязательность ведения; текстовая форма выражения протоколов; правовая возможность применения аудио- и видеозаписи в целях фиксации доказательственной информации или хода получения доказательства; правовая возможность привлечения специалистов, экспертов и свидетелей; правовой статус доказательства; правовая возможность внесения участниками замечаний в протокол.

К различиям следует отнести: прямое нормативное закрепление видов протоколов в гражданском [6] и арбитражном судопроизводствах [7] и отсутствие названий видов процессуальных документов нотариусов в тех нотариальных нормах, которые регламентируют обеспечение доказательств нотариусом [8]; правовая возможность нотариуса составить протокол в электронной форме в случае обращения заявителя в удаленном порядке [9]; нормативное закрепление соблюдения нотариальной тайны для процедуры составления протокола обеспечения доказательств, при этом судебный процесс может протекать публично; субъекты, ведущие судебный протокол (секретарь судебного заседания, помощник судьи и сам председательствующий судья) и составляющие нотариальный протокол (нотариус), подписывающие и ответственные за их содержание – это разные субъекты; частью протоколирования в суде является аудиопотоколирование [10], в нотариальной деятельности весь процесс получения доказательства фиксируется в нотариальном акте – протоколе [11, с. 29]; порядок подачи замечаний на протокол: на судебный протокол можно подать замечание после его подписания судьей, на нотариальный протокол –

только до подписания его нотариусом; финансовое обеспечение протокола в суде производится путем уплаты государственной пошлины при подаче иска [12], за составление нотариального протокола в виде нотариального тарифа; в случае нарушения порядка совершения нотариального действия оно может быть оспорено в суде, поскольку нотариальный акт, в том числе правильность нотариального протокола, может проверяться судебным органом [13, с. 43].

Протоколы в нотариальном производстве и гражданском судопроизводстве являются важнейшими процессуально-образующими, юридически значимыми документами.

Список библиографических ссылок

1. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 № 30-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500321/?ysclid=mqf3cnjxki960123222 (дата обращения: 19.10.2025).

2. Вергасова Р. И. Нотариат в России: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. 361 с.

3. Решение Суда по интеллектуальным правам от 08.02.2023 по делу № СИП-826/2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406248801/?ysclid=mosd3rq8w1103639903> (дата обращения: 19.10.2025).

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.11.2021 по делу № А40-208235/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2025).

5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.11.2022 № Ф06-24099/2022 по делу № А57-3496/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2025).

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости съезда народных депутатов Рос-

сийской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

9. Об утверждении формы заявления о совершении нотариального действия удаленно, а также требований к формату такого заявления и форматам прилагаемых к нему документов в электронной форме: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2020 № 223. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2025).

10. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2024 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 25. Ст. 3399.

11. Бегичев А. В. Совершение нотариусом действий по обеспечению доказательств: учеб. пособие и практикум. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 152 с.

12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

13. Лебедь К. А. Судебные и нотариальные акты (действия и документы) // Нотариальный вестник. 2025. № 2. С. 37–46.

© Каплунова Н. А, 2026

Особенности правового регулирования цифровых платформ: настоящее и будущее

Цифровые платформы приобрели огромное значение в современном Интернет-пространстве. Количество пользователей различных цифровых сервисов уже исчисляется миллионами, что вполне закономерно, учитывая разнообразие функционала и услуг, предоставляемых на цифровых площадках. В свою очередь, стремительный рост популярности цифровых платформ не спешит замедляться, ведь все большее количество правоотношений перетекает в цифровую среду.

Это понимает и законодатель. До июля 2025 г. определение «цифровая платформа» трактовалось в зависимости от сферы ее реализации.

А. В. Габов подчеркивает необходимость выведения определения платформы в правовой среде, поскольку их появление стало толчком к развитию, в том числе новых видов общественных отношений [1, с. 73].

А. В. Алтухов и С. Ю. Кашкин полагали, что термин «цифровая платформа» употребляется в различных значениях, которые можно разделить на четыре группы:

- 1) как производственная система, состоящая из оборудования и управляющего им программного обеспечения;
- 2) аппаратная (операционная) платформа или некоторая их совокупность, программное обеспечение и совместимые устройства;
- 3) некоторый продукт (инструмент, способ), позволяющий пользователям находить друг друга и обмениваться ценностями (информационными, культурными, материальными, финансовыми и любыми другими);
- 4) иные платформы, которые созданы с использованием современных цифровых (информационных) технологий [2, с. 88].

М. А. Рожкова отмечает, что достаточно удачным определением цифровой платформы в целях ее использования в рамках бизнеса является определение Организации экономического сотрудничества и развития: «это цифровой сервис, который облегчает взаимодействие между двумя или более отдельными, но взаимозависимыми группами

пользователей (будь то фирмы или отдельные лица), которые взаимодействуют через сервис посредством Интернета». Именно данное определение, по мнению М. А. Рожковой, характеризует платформу не с технической стороны, а как организатора торгового оборота [3].

Таким образом, дискуссия относительно определения понятия «цифровая платформа» и ее правового регулирования достаточно актуальна. Как правило, нормы, подлежащие применению, выбираются в зависимости от сферы применения конкретно взятой цифровой платформы.

31 июля 2025 г. был принят новый закон (вступающий в силу 1 октября 2026 г.) – Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который внушительно освежает уже устоявшиеся тенденции в сфере правового регулирования цифровых платформ.

Закон предлагает достаточно широкое, общее определение цифровой платформы: «это информационная система и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг». Данное определение вполне соответствует общей направленности нового закона – правовое регулирование цифровых платформ, связанных с организацией оказания услуг и продажи товаров, т. е. маркетплейсов.

Для этого закон предлагает еще одно, более конкретизированное определение – посредническая цифровая платформа, обеспечивающая взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, в том числе предоставляющая технические возможности для их реализации.

О направленности на правовое регулирование маркетплейсов также свидетельствуют и сферы, которые регулируются настоящим законом, – заключение договора между оператором и партнером или владельцем пункта выдачи заказов, размещение карточки товара, предоставление скидок на товары, понятие терминов «заказ», «рейтинг товара» и т. п. Отдельное внимание законом уделяется логистической инфраструктуре и организации пунктов выдачи заказов.

Можно заключить, что, несмотря на достаточно широкое определение цифровой платформы, содержащееся в законе, новый порядок призван внести ясность в правовое регулирование конкретно работы маркетплейсов, в частности в сфере взаимодействия пользователей цифровых платформ при оформлении заказов.

Приятно видеть наличие четкой терминологической базы, которая должна окончательно поставить точку в трактовке тех или иных положений в рамках судебной практики. В свою очередь следует понимать, что сфера применения настоящего закона все еще достаточно специализирована. Общее определение цифровой платформы, содержащееся в законе, было необходимо для выведения конкретизированного определения посреднической цифровой платформы. В то же время такое общее определение может послужить хорошей основой для формирования единого понятийного аппарата и в других отраслях права, в рамках которой цифровая платформа будет рассматриваться как единое правовое явление, что может заметно упростить работу практикующим цивилистам и судебной системе в целом.

Принятие настоящего закона должно положительно сказаться на существующих тенденциях правового регулирования как маркетплейсов, так и цифровых платформ в целом. Существующие цифровые явления зачастую (и вполне закономерно) опережают развитие устоявшегося правового регулирования и разработку аналогичных законов в данной сфере, безусловно, можно считать своевременной и необходимой мерой.

Список библиографических ссылок

1. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–72.
2. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 86–94.
3. Рожкова М. А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа – что это такое и как они взаимосвязаны между собой?. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma__chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (дата обращения: 30.10.2025).

Способы самозащиты интеллектуальных прав

Проблема защиты своих прав особо остро стоит перед авторами творческих результатов интеллектуальной деятельности и иными обладателями исключительных прав, так как, несмотря на предпринимаемые государством меры, доля контрафактной продукции в отечественном гражданском обороте остается значительной. В связи с этим считаем актуальным вопрос выбора форм, средств и способов защиты интеллектуальных прав. Данная статья посвящена самозащите авторских прав на объекты интеллектуальной собственности.

Современное гражданское законодательство предлагает авторам и правообладателям широкий перечень способов защиты субъективных прав на произведения науки, литературы и искусства. Для защиты авторских прав могут использоваться как общие способы защиты субъективных гражданских прав, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, так и специальные способы, предназначенные для защиты интеллектуальных прав и закрепленные в ст. 1250–1252.1 и 1301 ГК РФ. Большинство из них предназначены для судебного порядка защиты субъективных гражданских прав. Они имеют высокий компенсационный потенциал и пригодны для защиты и восстановления нарушенных исключительных и личных неимущественных авторских прав, но не могут полностью оградить авторов и правообладателей от противоправных посягательств на установленный порядок использования творческих произведений. Высокая латентность нарушений авторских прав, значительные судебные расходы, сложность доказывания обстоятельств, устанавливаемых в ходе судебного разбирательства, оказывают негативное влияние на эффективность юрисдикционной формы защиты авторских прав.

Как и любое субъективное гражданское право, авторские права могут защищаться правообладателем самостоятельно, не обращаясь к органам государственной власти, т. е. путем самозащиты права. В соответствии с нормами ст. 12 и 14 ГК РФ самозащита прав допускается, если «способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения».

Самозащита интеллектуальных прав – это совокупность самостоятельных, не запрещенных законом действий правообладателя по защите своего личного неимущественного или исключительного права, которые совершаются без обращения к государственным или иным уполномоченным органам. В современной цивилистике эти способы приобретают все большее значение, особенно в цифровой среде, так как позволяют оперативно и с меньшими издержками реагировать на нарушения.

Определить сферу возможного применения мер самозащиты интеллектуальных прав несложно, так как на некоторые из них указывает сам законодатель.

Во-первых, ст. 1251 ГК РФ предлагает правообладателям использовать на каждом экземпляре произведения знак охраны авторского права для оповещения о принадлежащем им исключительном праве на произведение. Знак охраны авторского права состоит из следующих элементов: латинской буквы «С» в окружности; имени или наименования правообладателя; года первого опубликования произведения (например, © Котельников Н. В., 2025). Изначально использование знака охраны авторских прав было предусмотрено Всемирной конвенцией об авторском праве [1], которая обязывала своих участников считать формальные требования, необходимые для признания авторских прав, выполненными, если экземпляры произведения снабжены указанным обозначением. Необходимость в проставлении знака охраны авторских прав была вызвана тем, что в некоторых странах для признания авторских прав, необходимо депонирование экземпляров, регистрация или выполнение других формальных действий. После присоединения России к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [2], которая обязывает страны-участницы признавать авторские права в силу факта создания произведения, знак охраны авторского права практически утратил свое правообразующее значение. Сейчас использование авторами и правообладателями знака охраны авторских прав преследует, прежде всего, информационную цель – оповестить окружающих об интеллектуальных правах и их обладателе. Это способствует формированию правомерного поведения пользователей произведений и упрощает возможность контакта с правообладателем в целях заключения лицензионного соглашения.

Во-вторых, в соответствии с п. 2 ст. 1294 ГК РФ автор произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет право на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства и право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта. Осуществляя контроль над разработкой документации для строительства и авторский надзор за строительством здания или сооружения, автор произведения архитектуры может воспрепятствовать извращению, искажению или иному изменению произведения, тем самым пресечь нарушение права на неприкосновенность произведения, предусмотренного ст. 1266 ГК РФ.

В-третьих, для защиты авторских прав в электронной среде у правообладателей приобрели популярность различные технические средства защиты от неправомерного тиражирования произведений. К техническим средствам защиты авторских прав относятся любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление таких действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения.

Первоначально технические средства защиты авторского права использовались для воспрепятствования неправомерному тиражированию и распространению компьютерных программ. Впоследствии, когда в цифровой среде стали активно использоваться произведения науки, литературы и искусства, правообладатели стали адаптировать эти средства защиты для традиционных объектов авторского права и смежных прав.

Средства защиты интеллектуальных прав технологического характера некоторое время были достаточно продуктивными. Их эффективность, на наш взгляд, была обусловлена двумя основными факторами: во-первых, у большинства пользователей отсутствовали специальные знания, навыки и оборудование, необходимые для преодоления средств технической защиты; во-вторых, отсутствовали информационные технологии и сервисы, позволяющие обширному кругу пользователей получать информацию о способах устранения технических средств, ограничивающих использования произведений с нарушением авторских прав.

Сегодня условия использования творческих произведений в электронно-цифровой форме изменились. Количество специалистов, под-

готовленных для работы в сфере информационных технологий,кратно увеличилось. Уровень компетентности среднестатистического пользователя персонального компьютера так же значительно возрос. Современные информационные технологии позволяют оперативно популяризировать любую информацию (в том числе о технологиях обхода и преодоления технических средств защиты). Любой пользователь без особого труда может ознакомиться с методикой преодоления технологии, защищающей интересующий его объект и получить в свое распоряжение инструменты (оборудование и программное обеспечение), необходимые для несанкционированного правообладателем использования произведения или объекта смежных прав. Перечисленные обстоятельства значительно снизили эффективность технических средств защиты.

Осознавая уязвимость технических средств, законодатель предусмотрел меры их правовой охраны. Статьи 1299 и 1309 ГК РФ устанавливают запрет на действия, направленные на подавление технических средств защиты интеллектуальных прав, а также запрет на производство и оборот средств, предназначенных для осуществления такой деятельности.

Данные положения законодательства соответствуют требованиям международных договоров, в частности договоров Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1996 г.: по авторскому праву [3], исполнениям и фонограммам [4]. Согласно ст. 11 договора ВОИС по авторскому праву договаривающиеся стороны предусматривают соответствующую правовую охрану и эффективные средства правовой защиты от обхода существующих технических средств, используемых авторами в связи с осуществлением их прав по настоящему договору или по Бернской конвенции и ограничивающих действия в отношении их произведений, которые не разрешены авторами или не допускаются законом.

При неправомерном посягательстве на интеллектуальные права путем незаконного использования объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет, правообладатель может воспользоваться внесудебным способом пресечения таких нарушений, предусмотренным ст. 15.7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5]. Данная норма регламентирует порядок взаимодействия правообладателя с владельцами сайтов в сети Интернет, на которых размещается контрафактный контент. Средст-

вом внесудебной защиты выступает заявление о нарушении авторских и (или) смежных прав, направляемое в письменной или электронной форме в адрес владельца сайта. Если последний не имеет доказательств, подтверждающих правомерность размещения контента, он обязан удалить указанные материалы в течение 24 часов с момента получения заявления. Надлежащее поведение владельца сайта обеспечивается ответственностью, предусмотренной ст. 1251.1 ГК РФ.

Анализ существующих способов самозащиты позволил выявить их основной недостаток – рассматриваемые меры практически не способны компенсировать правообладателям последствия правонарушения, поскольку они наиболее эффективны только в случае с предупреждением или пресечением таких правонарушений. Таким образом, полноценно защитить или восстановить свои права и охраняемые законом интересы в случае их нарушения авторы и правообладатели без обращения за помощью к государственным органам не смогут. Однако меры самозащиты интеллектуальных прав существуют и могут эффективно применяться для предотвращения и пресечения нарушений имущественных и личных неимущественных интеллектуальных прав. Такие средства защиты являются неотъемлемой частью механизма правовой охраны интеллектуальной собственности.

Список библиографических ссылок

1. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
3. Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20.12.1996. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам от 20.12.1996. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).

© Котельников Н. В., 2026

Защита жилищных прав участников специальной военной операции

Право на жилище относится к числу фундаментальных конституционных прав и предполагает не только возможность иметь жилое помещение, но и защиту от его произвольной утраты. В ст. 40 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закреплено, что каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно лишен жилища [1]. В современной правовой системе данное право реализуется посредством норм различных отраслей права, однако именно в гражданско-правовой плоскости наиболее остро проявляются вопросы защиты жилищных интересов конкретного лица в случае конфликта с наймодателем, собственником, управляющей организацией, ресурсоснабжающей организацией либо иным кредитором.

Проблематика защиты жилищных прав участников специальной военной операции (далее – СВО) имеет выраженную практическую значимость. Прохождение военной службы, участие в выполнении специальных задач, длительное отсутствие по месту жительства, ограничения в личном участии в гражданском обороте и судебном процессе объективно влияют на возможность своевременного исполнения жилищных обязанностей и самостоятельной защиты нарушенных прав. При этом действующее законодательство не содержит единого комплексного акта, специально регулирующего все жилищные аспекты статуса участника СВО. Вследствие этого особое значение приобретают общие положения гражданского законодательства о добросовестности, способах защиты права и пределах гражданско-правовой ответственности, нормы жилищного законодательства о расторжении договора найма и выселении, а также разъяснения высших судов [1–10]. Цель настоящей статьи состоит в выявлении гражданско-правовых особенностей защиты жилищных прав участников специальной военной операции, в определении пределов применения мер ответственности в соответствующих спорах и в формулировании предложений по совершенствованию правоприменения.

Жилищные права участников СВО не сводятся исключительно к социальным гарантиям. Их правовая природа носит комплексный характер. С одной стороны, право на обеспечение жилым помещением для военнослужащих и некоторых иных категорий лиц носит публично-правовой характер, поскольку возникает на основе закона, административного решения и бюджетного финансирования. С другой стороны, пользование жилым помещением, исполнение обязанности по его оплате, сохранение права проживания, защита от выселения, оспаривание начисленной задолженности, взыскание неустойки либо предоставление отсрочки исполнения решения суда затрагивают частно-правовые механизмы и регулируются, в том числе, гражданским и жилищным законодательством [2–5; 11; 12].

Именно поэтому в рассматриваемой сфере необходимо разграничивать, во-первых, отношения по предоставлению жилья как меры государственной гарантии и, во-вторых, отношения по защите уже существующего жилищного права либо законного интереса конкретного лица. В первом случае преобладают публично-правовые элементы; во втором – гражданско-правовые способы защиты, включая признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение нарушающих действий, изменение или прекращение правоотношения, применение мер ответственности либо отказ в их применении [2; 10; 12].

В целях настоящего исследования под участниками специальной военной операции понимаются не только военнослужащие в узком смысле, но и иные лица, участие которых в СВО имеет юридическое значение для жилищного спора: мобилизованные граждане, граждане, заключившие контракт для выполнения задач СВО, отдельные категории добровольцев, а также члены их семей, если спор затрагивает общее пользование жилым помещением либо последствия отсутствия основного нанимателя, собственника или должника. Вместе с тем следует учитывать, что специальные гарантии по Федеральному закону «О статусе военнослужащих» прямо адресованы прежде всего военнослужащим, тогда как гражданско-правовая защита жилищных интересов в отдельных ситуациях может иметь более широкий персональный охват [5; 11; 13].

Нормативная база защиты жилищных прав участников СВО складывается из взаимосвязанных положений Конституции РФ, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Жилищного

кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Федерального закона «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих), а также Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) [1–7].

Конституционное значение имеет ст. 40 Конституции РФ, закрепляющая право на жилище и запрет произвольного лишения жилища [1]. На уровне гражданского законодательства ключевую роль играют ст. 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом, ст. 12 ГК РФ, устанавливающая способы защиты гражданских прав, и ст. 401 ГК РФ, связывающая гражданско-правовую ответственность с наличием вины, если законом или договором не предусмотрено иное [2]. На уровне жилищного законодательства принципиально важны ст. 153 ЖК РФ об обязанности своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги, ст. 83 ЖК РФ о расторжении договора социального найма и ст. 90 ЖК РФ, предусматривающая возможность выселения при невнесении платы более шести месяцев без уважительных причин [3]. Для военнослужащих специальное значение имеет ст. 15 Закона о статусе военнослужащих, закрепляющая государственные гарантии обеспечения их жилыми помещениями [5].

Процессуальную основу защиты составляют, в частности, ст. 45 ГПК РФ, предусматривающая право прокурора обращаться в суд в защиту прав граждан, а также на его вступление в процесс и дачу заключения по делам о выселении, и ст. 203 ГПК РФ, допускающая отсрочку или рассрочку исполнения решения суда с учетом имущественного положения сторон и иных обстоятельств [4]. На стадии принудительного исполнения существенное значение имеет ст. 40 Закона об исполнительном производстве. В действующей редакции она прямо предусматривает приостановление исполнительного производства, если должник участвует в специальной военной операции, а Федеральный закон от 23.11.2024 № 391-ФЗ уточнил и расширил соответствующее регулирование [6; 7].

Судебные основы рассматриваемой темы определяются, прежде всего, правовыми позициями высших судов. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 исходит из того, что конституционное право на жилище предполагает стабильное пользование

жилым помещением и исключение случаев произвольного лишения граждан жилища [8]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 ориентирует правоприменителя на индивидуализацию гражданско-правовой ответственности и соразмерность последствий нарушения обязательства [9]. Большое значение имеет и постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2025 № 21-П, в котором подчеркивается гарантийный характер права на жилище, недопустимость его произвольного ограничения, а также то обстоятельство, что использование гражданско-правовых институтов в жилищной сфере не отменяет социальной направленности соответствующего регулирования [10].

В жилищных спорах с участием участников СВО наиболее чувствительной является категория дел о расторжении договора социального найма и выселении. Формально законодатель связывает возможность такого вмешательства с длительным невнесением платы за жилое помещение и коммунальные услуги. Однако смысл ст. 90 ЖК РФ состоит не в автоматическом лишении лица жилья при любом факте просрочки, а в судебной оценке того, были ли причины неисполнения уважительными [3].

Именно здесь участие гражданина в СВО приобретает характер юридически значимого обстоятельства. Подход к оценке таких ситуаций согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым при разрешении жилищных споров суду необходимо выяснять причины и длительность отсутствия лица в жилом помещении, временный или постоянный характер такого отсутствия, наличие препятствий в пользовании помещением и исполнение обязанностей по договору социального найма [8]. При этом участие в специальной военной операции не должно пониматься как абсолютный иммунитет от расторжения договора найма или выселения. Юридически корректный подход состоит в ином: суд обязан установить, носило ли неисполнение действительно временный и вынужденный характер, предпринимались ли разумные меры к сохранению жилья, имелось ли злоупотребление правом со стороны истца, является ли спорное жилое помещение единственным пригодным для проживания, проживают ли в нем члены семьи участника СВО, имеется ли реальная возможность урегулировать задолженность менее обременительным способом. Только при такой комплексной оценке дости-

гается баланс между интересами кредитора (наймодателя) и социально значимым правом гражданина на жилище [2; 3; 8; 10; 12].

Отсюда вытекает важный практический вывод: в спорах о выселении участие в СВО должно учитываться не как внешнее по отношению к спору обстоятельство, а как фактор, непосредственно влияющий на оценку уважительности причин нарушения, добросовестности поведения ответчика и соразмерности требуемой меры защиты.

Обязанность по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги закреплена в ст. 153 ЖК РФ и сама по себе не прекращается вследствие участия гражданина в СВО [3]. Это означает, что факт прохождения службы не аннулирует основной долг автоматически и не освобождает лицо от самого жилищного обязательства. Однако из этого не следует, что одинаковым образом должны решаться вопросы о взыскании основного долга, неустойки, судебных расходов, исполнительского сбора и иных неблагоприятных последствий.

В гражданско-правовом смысле принципиально разграничивать существование основного обязательства и основания для применения ответственности за его нарушение. В силу ст. 401 ГК РФ по общему правилу ответственность наступает при наличии вины должника [2]. Следовательно, если просрочка возникла в период участия в специальной военной операции и была обусловлена объективными обстоятельствами службы, невозможностью надлежащим образом распорядиться денежными средствами либо отсутствием реальной возможности участвовать в расчетах и коммуникации с кредитором, это должно учитываться при решении вопроса о санкциях. Такой подход согласуется и с положениями ст. 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом: взыскание должно оставаться средством восстановления нарушенного имущественного баланса, а не инструментом несоразмерного давления на должника [2; 9].

Поэтому в соответствующих делах оправдано более активное применение механизмов смягчения гражданско-правовых последствий: уменьшение неустойки, отказ во взыскании ее в заведомо чрезмерной части, предоставление отсрочки или рассрочки исполнения судебного решения, корректировка способа исполнения судебного акта [4; 9]. Участие в СВО не устраняет долг, но при добросовестном поведении должника способно существенно влиять на пределы ответственности.

Особого внимания заслуживает стадия исполнительного производства. В действующей редакции ст. 40 Закона об исполнительном про-

изводстве предусмотрено приостановление исполнительного производства, если должник участвует в специальной военной операции; соответствующее регулирование было уточнено Федеральным законом от 23.11.2024 г. № 391-ФЗ [6; 7]. Тем самым законодатель прямо признал, что обычные механизмы принудительного взыскания нуждаются в коррекции применительно к участникам СВО. В то же время эта гарантия не является безусловной и универсальной: закон устанавливает исключения, в частности по алиментным обязательствам и по требованиям о возмещении вреда жизни или здоровью [6]. Кроме того, на практике нельзя отождествлять гарантии самого участника СВО и членов его семьи по всем категориям обязательств. Для жилищных споров это означает, что особую роль сохраняют именно судебные средства индивидуализации ответственности, а не только исполнительные льготы.

Эффективность защиты жилищных прав определяется не только материальными нормами, но и тем, насколько доступен участнику СВО сам механизм судебной защиты. Длительное нахождение в зоне выполнения специальных задач, лечение, реабилитация, командирование и иные обстоятельства службы могут фактически препятствовать личному участию в деле, своевременному представлению доказательств и надлежащему ведению процесса. В этой связи особое значение приобретает ст. 45 ГПК РФ, согласно которой прокурор вправе обращаться в суд в защиту прав и законных интересов граждан, а также участвовать в делах о выселении [4].

Значение прокурорского участия в рассматриваемой категории споров состоит не в подмене автономии частного лица, а в компенсации объективно ограниченной возможности своевременной самозащиты. Это особенно важно в делах, где исход спора способен повлечь утрату жилья или иное существенное ухудшение жилищного положения. В научной литературе справедливо подчеркивается, что в подобных спорах требуется более последовательное использование процессуальных форм защиты жилищных прав военнослужащих и членов их семей, включая корректное распределение бремени доказывания и более активную роль суда в выяснении фактических обстоятельств [12].

Не менее важен и механизм отсрочки или рассрочки исполнения судебного решения. Статья 203 ГПК РФ позволяет суду учитывать имущественное положение сторон и иные обстоятельства [4]. Для дел,

в которых фигурируют участники СВО, эта норма имеет особую практическую ценность, поскольку позволяет избежать ситуации, когда даже формально законное решение приводит к чрезмерному и социально несправедливому результату.

Анализ действующего регулирования позволяет сделать вывод, что защита жилищных прав участников СВО нуждается не столько в радикальном создании новой отраслевой конструкции, сколько в более точной настройке уже существующих гражданско-правовых и процессуальных механизмов.

Прежде всего представляется целесообразным выработать на уровне разъяснений Верховного Суда РФ подход, согласно которому подтвержденное участие гражданина в СВО презюмируется уважительной причиной временного неисполнения обязанности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги, если иное не доказано наймодателем или кредитором. Такая презумпция не должна означать прекращения долга, но должна прямо влиять на оценку вины, возможность расторжения договора найма, допустимость выселения и пределы взыскания неустойки.

Кроме того, заслуживает поддержки идея более четкой процессуальной фиксации гарантий защиты жилищных прав военнослужащих и иных участников СВО, включая расширение возможностей прокурорского реагирования и унификацию подходов к отсрочке исполнения судебных актов [12; 13]. Законодательству и судебной практике также необходим более ясный стандарт оценки добросовестности сторон в жилищном споре: кредитор не должен быть лишен защиты, но и применение мер ответственности не должно превращаться в инструмент формального ухудшения жилищного положения лица, которое по объективным причинам временно ограничено в реализации своих гражданских прав.

Наконец, перспективным представляется закрепление специального досудебного порядка реструктуризации задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, если должник представил подтверждение участия в СВО. Такой порядок позволил бы сократить число дел о выселении и снизить конфликтность в социально чувствительной сфере.

Защита жилищных прав участников СВО в гражданском праве представляет собой межотраслевой правовой механизм, в рамках которого конституционные гарантии права на жилище конкретизиру-

ются нормами жилищного, гражданского, гражданского процессуального и исполнительного законодательства. Участие в СВО не прекращает жилищные обязанности гражданина, однако должно учитываться как юридически значимое обстоятельство при оценке уважительности причин неисполнения обязательства, вины должника, добросовестности поведения сторон и соразмерности применяемых мер защиты.

Строго формальный подход к спорам о выселении, расторжении договора найма и взыскании задолженности в рассматриваемой сфере не соответствует ни конституционному смыслу права на жилище, ни современным подходам к гражданско-правовой ответственности. Более обоснованным является дифференцированный подход, при котором сохраняется сама обязанность по оплате жилья, но одновременно ограничивается возможность применения чрезмерных санкций и обеспечивается реальная судебная защита.

Таким образом, дальнейшее развитие судебных разъяснений и законодательства должно быть ориентировано на признание участия в специальной военной операции юридически значимым фактором, влияющим на выбор способа защиты, пределы гражданско-правовой ответственности и допустимость вмешательства в жилищную сферу.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп., действующая ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mosegdxkl1128240541 (дата обращения: 07.11.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. О статусе военнослужащих: федер. закон Российской Федерации от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

6. Об исполнительном производстве: федер. закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон Российской Федерации от 23.11.2024 № 391-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 07.11.2025).

8. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

9. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

10. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1, статей 86 и 87 и части 1 статьи 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также частей первой и второй статьи 1 и абзацев второго и четвертого статьи 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в связи с жалобой граждан И. В. Федониной и Ю. В. Федониной: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23.05. 2025 № 21-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505805/?ysclid=mosepq8jbf279966351 (дата обращения: 07.11.2025).

11. Вербина О. Л. Конституционное право на жилище военнослужащих в свете изменений в законодательстве // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 2–5.

12. Михайлова Е. В. О защите жилищных прав военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2024. № 6. С. 23–28.

13. Шахова Е. С. Проблемы реализации прав участников и ветеранов специальной военной операции, членов их семей: меры государственной защиты // Социальное и пенсионное право. 2025. № 2. С. 34–39.

© Крылов М. В., 2026

Проблемные аспекты содержательных компонентов охранной деятельности как разновидности предпринимательства

Актуальность темы настоящей публикации предопределяется тем, что в современных реалиях охранная деятельность как разновидность предпринимательства является одной из важных составляющих прогрессивного развития гражданско-правовых и социально-экономических отношений. Содействуя свободному перемещению охранных услуг и обеспечению защиты права собственности, предпринимательская охранная деятельность способствует укреплению основ конституционного строя (ст. 8 Конституции РФ) и реализации гражданских прав.

Целью публикации является анализ проблемных аспектов содержательных компонентов охранной деятельности как разновидности предпринимательства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) установить содержание охранной деятельности как разновидности предпринимательства; 2) выявить проблемные аспекты содержательных компонентов предпринимательской охранной деятельности; 3) определить пути преодоления выявленных проблем.

В основу методологии настоящего исследования положен системный метод познания и общенаучные приемы исследования, такие как абстрагирование, анализ и синтез.

По мнению автора, выявление проблемных аспектов любого явления существующей действительности должно начинаться с определения его содержания.

В философском словаре термин «содержание» трактуется как «... определяющая сторона целого, единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций» [1]. В этой связи анализ следует начать с определения содержательных компонентов охранной деятельности.

Поскольку данный вид деятельности должен осуществляться строго в рамках правового поля, выделим содержательные компоненты сквозь призму понятия «правовая деятельность».

В доктрине под правовой деятельностью, как правило, понимается «социально значимая активность, которая осуществляется субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни» [2]; «социально выраженная активность субъектов права, требующая легитимного регулирующего воздействия, направленная на преобразование социальных процессов с помощью и на основе права для обеспечения полной и всесторонней охраны прав и свобод человека, национальной и личной безопасности, экономического и социального развития государства» [3, с. 13].

Следовательно, правовая деятельность направлена на преобразование социальной действительности в соответствии с поставленной субъектом целью, реализуется в определенной форме и с помощью легитимных средств. Таким образом, в качестве основных содержательных компонентов охранной деятельности представляется возможным выделить целевой (цель деятельности), субъектный (субъект деятельности), объектный (объект деятельности) и вспомогательный (правовые средства) компоненты.

Более того, содержательные компоненты охранной деятельности как разновидности предпринимательства должны обладать свойствами предпринимательской деятельности, которая имеет место в сфере гражданско-правовых отношений и регулируется нормами гражданского законодательства.

Особенность предпринимательской деятельности заключается в совокупности ее признаков, закрепленных в легальном определении, а именно в ст. 2 Гражданского кодекса РФ [4].

Синтезируя компоненты охранной деятельности с признаками предпринимательства, можно выделить ряд проблемных аспектов.

Во-первых, говоря о цели предпринимательской охранной деятельности, было бы неправильно ограничиться лишь «направленностью на систематическое получение прибыли». Это связано с тем, что законодатель относительно, например, частной охранной деятельности, четко закрепляет в данном качестве «защиту законных прав и интересов клиентов» [5].

Цель предпринимательской охранной деятельности, осуществляемой организациями ведомственной охраны, обусловлена регламентированными в ст. 2 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» задачами (охрана объектов в целях пре-

дотвращения противоправных посягательств; обеспечение на охраняемых объектах пропускного и внутриобъектового режимов и т. д.) [6].

Следовательно, цель охранной деятельности как разновидности предпринимательства характеризуется определенной спецификой и носит комплексный характер.

Во-вторых, субъектами предпринимательской охранной деятельности выступают частные охранные организации (далее – ЧОО), организации ведомственной охраны (далее – ОВО) и вневедомственной охраны (далее – ФГУП). Все они бесспорно являются участниками гражданского оборота и обладают «предпринимательской правосубъектностью». Вместе с тем проблемным аспектом субъектного компонента является противоречивый правовой статус ОВО и ФГУП, поскольку «будучи коммерческими унитарными юридическими лицами, учрежденными государством, они в то же время причисляют себя к “государственной охране”» [7, с. 42].

В-третьих, среди проблемных аспектов объектного компонента следует отметить следующее: в ст. 1.1 Федерального закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» под объектами охраны понимаются недвижимые вещи, движимые вещи, в том числе при их транспортировке. Однако согласно положениям ст. 3 указанного выше Закона к объектам охраны могут относиться также и нематериальные блага, такие как жизнь и здоровье человека, его поведение и др.

К слову, в «новом» законе о частной охране [8] законодатель, по сути, предпринимает попытку разграничить понятие «объект охраны», выделяя в качестве такового физическое лицо (его жизнь, здоровье) и имущество, за исключением объектов, которые закреплены Правительством Российской Федерации в соответствующем перечне [9]. При этом данный перечень не конкретизирует объекты в контексте их гражданско-правовых свойств [7, с. 43]. Таким образом, налицо рассогласование действующих законоположений и положений подзаконных нормативных правовых актов.

В-четвертых, обратимся к анализу вспомогательного компонента предпринимательской охранной деятельности, включающего в себя правовые средства, а именно тот инструментарий, который позволяет достичь поставленной цели.

Анализ законодательных и доктринальных источников позволяет разделить средства осуществления охранной деятельности на две

группы: публично-правовые и частноправовые. Публично-правовая охранная деятельность в рамках реализации правоохранительной функции государства осуществляется с помощью административно-правовых средств, в то время как охранная деятельность как разновидность предпринимательства осуществляется участниками гражданского оборота посредством частноправовых средств и в самом широком смысле должна квалифицироваться как процесс осуществления гражданских прав.

В качестве базового частноправового средства правового регулирования выступает гражданско-правовой договор. Договорной характер – основополагающий квалифицирующий признак охранной деятельности, без которого невозможно представить ее осуществление как разновидности предпринимательства. Более того, гражданско-правовой договор одновременно выступает юридическим фактом, служащим основанием возникновения охранного правоотношения [10, с. 180].

При этом проблемным аспектом является непоименованный характер договора и, как следствие, отсутствие законодательного закрепления его существенных условий. Как пишет С. А. Шаронов: «перечень услуг охраны, предписанных для оказания ЧОО, не является обязательным для ОВО и ФГУП, которые, не имея лицензии, фактически могут оказывать любые услуги, “закамуфлированные” под охранные» [7, с. 44].

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать наличие ряда проблемных аспектов в функционировании всех содержательных компонентов охранной деятельности как разновидности предпринимательства, что препятствует развитию и совершенствованию исследуемого вида деятельности.

В качестве путей преодоления обозначенных выше проблемных аспектов следует предложить следующие направления: обеспечение законодательного единообразия в закреплении понятия «цель» охранной деятельности как разновидности предпринимательства, определении правового статуса организаций охраны и перечня объектов охраны, а также нормативное закрепление понятия «договор оказания охранных услуг» и его существенных условий.

Список библиографических ссылок

1. Ильичев Л. Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия. 1983. 839 с.
2. Шагиева Р. В. Право и деятельность. М.: Изд-во Российской таможенной академии. 2014. 168 с.
3. Ланг П. П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: автореф. ... д-ра юрид. наук. Самара 2022. 43 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mosgjvewlzs573107272 (дата обращения: 16.10.2025).
5. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/?ysclid=mosgmne2sy87022376 (дата обращения: 16.10.2025).
6. О ведомственной охране: федер. закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/?ysclid=mosgnzs1jp830092001 (дата обращения: 16.10.2025).
7. Шаронов С. А. Проблемы формирования конкурентной среды в сфере предпринимательской охранной деятельности в Российской Федерации // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 41–44.
8. О частной охранной деятельности: федер. закон от 30.11.2024 № 427-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491941/?ysclid=mosgpkvbrh520140439 (дата обращения: 16.10.2025).
9. Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 14.08.1992 № 587. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_790/?ysclid=mosgra6ej646751838 (дата обращения: 16.10.2025).
10. Шаронов С. А. Юридикто-фактические свойства договора оказания охранных услуг // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 180–186.

© Никулина А. В., 2026

**Актуальные проблемы компенсации морального вреда,
причиненного при совершении преступления
по статье 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации**

На территории Российского государства защита нематериальных благ человека и гражданина осуществляется рядом нормативных правовых актов, среди которых основополагающим является Конституция Российской Федерации, согласно которой предусмотрено, что каждый человек имеет право на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23). В результате нарушения обозначенного права гражданину причиняется моральный вред, под которым следует понимать нарушение личных неимущественных прав либо нематериальных благ, приносящих человеку нравственные или физические страдания путем осуществления неправомерных действий (бездействий). Моральный вред, выражающийся в нравственных страданиях из-за неправомерных действий, подлежит компенсации, поскольку восстановление нарушенных прав – приоритетная задача правового государства. На сегодняшний день институт компенсации морального вреда набирает популярность: существует обширный спектр форм и способов защиты личных неимущественных прав [1], которые могут быть реализованы в порядке гражданского, административного или уголовного судопроизводства.

На практике зачастую встает вопрос о разграничении между различными видами ответственности за действия лица, порочащего честь и достоинство другого человека или группы лиц. Необходимо разграничивать гражданскую, административную и уголовную ответственность за посягательство на нематериальные блага – она определяется тяжестью общественной опасности деяния.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутацией граждан и юридических лиц» гласит, что утверждение о фактах и событиях, не имевших места в действительности в период, к которому относятся оспариваемые материалы, считается сведениями, не соответствующими действительности. Помимо этого, к сведениям, не соответствующим

щим действительности, не относятся материалы, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и иных процессуальных и официальных документах, – для их обжалования и оспаривания предусмотрен особый судебный порядок, установленный законами [2].

Наиболее общественно опасным посягательством на честь, достоинство и деловую репутацию граждан является преступление, предусмотренное ст. 128.1 Уголовного кодекса (далее по тексту – УК РФ) – «Клевета». Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны чести, достоинства и деловой репутации личности. Степень общественной опасности определяется судом, исходя из вреда, причиненного потерпевшему. Основным признаком данного преступления заключается в осведомленности субъекта о том, что распространяемые им сведения являются на самом деле не соответствующими действительности. Именно поэтому деяние считается совершенным с умышленной формой вины. Компенсация морального вреда возможна только при доказанности умышленной формы вины лица, совершившего такие деяния, – в этом и заключается особенность компенсации морального вреда, причиненного преступлением «Клевета» [3].

Если лицо не осознает ложность сообщаемых им сведений и считает их соответствующими действительности, уголовная ответственность исключается. В подобных обстоятельствах пострадавшему необходимо руководствоваться нормами ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), устанавливающими порядок обращения в суд с исковым заявлением о защите чести и достоинства [4]. Норма предусматривает гражданско-правовые обязательства по защите чести, достоинства и деловой репутации личности, в частности, опровержение информации, не соответствующей действительности. В силу ст. 152 ГК РФ любой гражданин вправе в судебном порядке потребовать опровержения данных или материалов, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию. При этом важным условием применения нормы, является отсутствие у лица, распространившего сведения доказательств того, что эти материалы соответствуют действительности.

Несмотря на это, статья, предусматривающая уголовную ответственность за клевету, и ст. 152 ГК РФ являются взаимодополняющими. Как правило, лицо, совершившее умышленные действия, направлен-

ные на распространение порочащих сведений о чести и достоинстве гражданина, подвергается уголовной ответственности. Помимо этого потерпевшее лицо вправе подать исковое заявление в суд о защите чести и достоинства личности в порядке, предусмотренном гражданским законодательством [5].

Суд имеет право возложить на нарушителя гражданско-правовые обязательства по компенсации вреда, причиненного гражданам. Согласно ст. 151 ГК РФ для компенсации морального вреда суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации. Вместе с тем граждане вправе потребовать опровержения сведений, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ). Для привлечения к ответственности требуется установить следующие события: факт причиненного вреда, действия лица, носящие противоправный характер, наличие причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и последствиями, в том числе, обязательным условием для привлечения к ответственности является установление вины. На практике судам достаточно установить два фактора: противоправность и вину. При нарушении права человека на честь, достоинство и деловую репутацию действует презумпция причинения морального вреда, таким образом, вред считается причиненным независимо от наличия наступивших последствий в виде нравственных страданий [6].

Примером может служить дело, рассматриваемое в суде Кировской области, в ходе которого был рассмотрен иск о взыскании компенсации морального вреда. Истец обратился в суд в связи с распространением сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, в информационно-коммуникационной сети Интернет. Ответчик, в свою очередь, привлечен к уголовной ответственности по ст. 128.1 УК РФ за распространение несоответствующих действительности сведений в форме видеоролика в сети Интернет. После размещения видеоролика истец пережил психологические терзания, связанные с моральным беспокойством личности. При этом подтверждения факта причиненных нравственных страданий не было установлено медицинскими организациями. Вина и противоправность ответчика были полностью доказаны, он осознавал, что сведения являются несоответствующими действительности. В результате изучения материалов дела суд наложил на ответчика гражданско-правовую ответственность, а именно требование взыскать с него компенсацию морального вреда

в виде денежного возмещения, а также удалить высказывания, находящиеся в сети Интернет [7].

Помимо этого необходимо проводить отличия клеветы от действий, носящих оскорбительный характер. Оскорбление представляет собой отрицательную оценку личности потерпевшего, унижающую ее честь, достоинство и деловую репутацию. В таком случае лица несут административную ответственность по ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Таким образом, необходимо устанавливать разграничения между гражданской, административной и уголовной ответственностью с целью правильности применения Законодательства РФ, а также грамотного установления вины субъекта преступления. Для правильного разрешения дела, в частности компенсации морального вреда гражданам, чьи личные неимущественные права были нарушены, судам следует ограничивать вид ответственности за нарушение прав, связанных с честью, достоинством, деловой репутацией, поскольку компенсация морального вреда имеет свои правовые особенности.

Список библиографических ссылок

1. Лапина Е. А. К вопросу о компенсации морального вреда // Отечественная юриспруденция. 2021. № 1 (45). С. 29.

2. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/?ysclid=mosh5i3cmz103909620 (дата обращения: 27.09.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 (ред. от 28.12.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.09.2025).

4. Прокуратура Хабаровского края Разграничение между различными видами посягательств на честь, достоинство и деловую репутацию граждан. URL: [https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/ activity/legal-education/explain?item=49853670](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=49853670) (дата обращения: 24.09.2025).

5. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11. 1994 № 51 ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mosi96h8sn174495431 (дата обращения: 25.09.2025).

6. Немчинова С. А. Особенности компенсации морального вреда при посягательствах на честь, достоинство и деловую репутацию // НПЖ «Диалог». 2025. № 2 (32). С. 23.

7. Решение от 24.10.2024 № 2-505/2024 по делу № 9-24/2024~М-247/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Gi7KqlKY78me/> (дата обращения: 27.09.2025).

© Печерская Д. И., 2026

Искусственный интеллект как объект гражданского права: частные и публичные аспекты

Стремительная интеграция систем искусственного интеллекта (ИИ) в социально-экономические процессы актуализирует вопрос о необходимости формирования адекватной правовой модели его регулирования. Дискуссия о правовой природе ИИ вышла за рамки теоретических споров и приобрела практическое значение в контексте определения субъектов ответственности за действия автономных алгоритмов и правообладателей результатов их деятельности.

Анализ правового статуса систем искусственного интеллекта (ИИ) в российском правовом поле предполагает дуализм его изучения: с одной стороны, важно выделить его частноправовые аспекты (авторство, ответственность, гражданский оборот), с другой стороны – его публично-правовые рамки (безопасность, контроль данных, стратегическое планирование).

Современная российская правовая доктрина придерживается прагматичного подхода, рассматривая ИИ как объект гражданских прав. Несмотря на существующие концепции «электронного лица», наделение ИИ правосубъектностью на текущем этапе развития технологий представляется преждевременным и даже необоснованным, так как ИИ лишен волевого компонента и способности осознавать правовые последствия своих действий.

С точки зрения ст. 128 ГК РФ, ИИ может быть квалифицирован как сложный объект, сочетающий в себе признаки программы для ЭВМ и базы данных [1]. Однако высокая степень автономности ИИ требует выделения его в особую категорию «интеллектуальных агентов» с ограниченным набором правовых характеристик.

С позиции системно-структурного подхода, ИИ является мультиобъектным образованием, включающим в себя:

- программный код (объект авторского права);
- базы данных (смежные права);
- алгоритмические решения (потенциальные объекты патентного права).

В частноправовой плоскости ключевыми являются две проблемы. Первая из них связана с проблемой «машинного творчества». Согласно ст. 1228 ГК РФ [2] автором результата интеллектуальной деятельности может быть только гражданин, чьим творческим трудом он создан. При использовании ИИ возникает разрыв в цепочке авторства. Это создает «правовой вакуум» для произведений, созданных ИИ без прямого участия человека, что требует введения специального режима для таких объектов. В этой связи представляется целесообразным закрепить за лицом, организовавшим создание результата интеллектуальной деятельности с помощью ИИ (заказчиком или владельцем алгоритма), исключительное право на результат по аналогии с режимом сложных объектов.

Вторая проблема связана с гражданско-правовой ответственностью. Традиционная модель ответственности за вину представляется неэффективной в случаях «алгоритмической ошибки». Одним из возможных путей выхода из этой проблемы является применение концепции источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Владелец системы ИИ должен нести риск причинения вреда третьим лицам вне зависимости от наличия вины разработчика, так как именно он извлекает пользу от эксплуатации системы и именно он задает параметры и условия решения задач для ИИ.

Как отмечает С. С. Крикунова, наиболее уязвимыми являются «права на жизнь (в случае использования транспортных средств на основе искусственного интеллекта), защиту личных данных, неприкосновенность частной, семейной жизни, человеческое достоинство» [3] и др.

Еще одним важным аспектом, требующим обсуждения в рамках анализа ИИ как объекта гражданского права, является решение вопросов безопасности и государственного контроля. Публичный интерес в сфере ИИ сосредоточен на минимизации социальных рисков и обеспечении суверенитета данных. Регулирование ИИ неразрывно связано с режимом обработки персональных данных.

1. Правовой режим данных. Обучение ИИ требует доступ к массивам Big Data. Публичное право в лице Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает баланс: содействие инновациям через механизмы обезличивания данных при жестком контроле над недопустимостью деанонимизации субъектов [4].

2. Экспериментальные правовые режимы. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» внедрил институт «цифровых песочниц», который является инструментом публичного права [5]. Он позволяет временно снимать регуляторные барьеры для тестирования беспилотного транспорта или ИИ в медицине, сохраняя при этом надзор со стороны государства.

3. Цифровая этика и стандартизация. Переход от этических меморандумов к национальным стандартам (ГОСТ Р) свидетельствует о формировании «мягкого» публичного регулирования, которое в будущем может трансформироваться в жесткие технические регламенты.

Российская модель регулирования, закреплённая в Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г., демонстрирует умеренно-либеральный подход. В отличие от европейского EU AI Act, классифицирующего ИИ по уровням риска, российское право делает акцент на стимулировании внедрения технологий через государственно-частное партнерство при сохранении за государством роли главного арбитра в вопросах безопасности данных [6].

В заключение хотелось бы отметить важность вопроса анализа и прозрачности логики решения тех или иных вопросов ИИ. Российское законодательство в 2024–2025 гг. начинает движение в сторону «права на объяснение». Публичный порядок требует, чтобы любое решение, затрагивающее права человека и принятое с участием ИИ, могло быть оспорено. Это порождает необходимость создания государственных критических систем ИИ и обязательного аудита их алгоритмов на предмет отсутствия дискриминации (предвзятости).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что искусственный интеллект как объект гражданского права требует комплексного регулирования. В частном праве необходимо закрепить презумпцию принадлежности прав на результаты ИИ владельцу системы и установить режим ответственности по модели источника повышенной опасности. В публичном праве приоритетом остается совершенствование механизмов обезличивания данных и расширение практики экспериментальных правовых режимов. С нашей точки зрения, развитие законодательства должно идти не по пути создания отдельного «Кодекса ИИ», а через точечную имплементацию норм в действующие институты гражданского и административного права.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mosi96h8sn174495431 (дата обращения: 26.09.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=mosik2hao5232042103 (дата обращения: 26.09.2025).
3. Крикунова С. С. Ответственность за деятельность искусственного интеллекта, осуществляемую с нарушением основных прав, свобод человека и гражданина / под редакцией И. Р. Бегишева [и др.] // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов I междунар. науч.-практ. конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 г. Том 3. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 389–391.
4. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 26.09.2025).
6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 26.09.2025).
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 26.09.2025).

© Попова К. А., 2026

Совершенствование частного права как приоритет правовой политики в современной России

Правовую политику в сфере гражданского права можно определить как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность публично-властных структур (субъектов правотворчества и правоприменения) по стратегическому планированию и нормативному упорядочению частноправовых отношений. В научном аспекте данное понятие раскрывается через следующие сущностные характеристики [1]:

- доктринальная обусловленность: основана на фундаментальных принципах частного права (автономия воли, имущественная самостоятельность, равенство участников) и положениях конституционного строя;

- телеологический аспект: стратегической целью является минимизация правовых коллизий, преодоление пробельности законодательства и создание транспарентной правовой среды для эффективного оборота благ;

- инструментальный подход: предполагает совершенствование юридического инструментария – от модернизации ГК РФ до оптимизации механизмов альтернативного разрешения споров (медиации) и защиты нематериальных активов в цифровой среде;

- функциональное назначение: выступает связующим звеном между правовой теорией и юридической практикой, обеспечивая конвергенцию государственных интересов и частных инициатив в рамках единого правового порядка.

Основа гражданско-правовой политики представляет собой систему, которая имеет направленность на то, чтобы достичь следующих концептуальных результатов:

- гарантированность субъективных прав: обеспечение высокой степени юридической защищенности участников гражданского оборота через внедрение эффективных превентивных и компенсаторных механизмов, позволяющих трансформировать нормативные предписания в реальные возможности субъектов;

- стабильность и предсказуемость оборота: формирование непротиворечивости гражданского законодательства. Сказанное подразуме-

вает минимизацию правовой неопределенности и создание устойчивого правопорядка, способного адаптироваться к динамике социально-экономических процессов (включая цифровизацию и развитие биотехнологий).

Основные направления совершенствования частного права могут быть охарактеризованы переходом от точечных правок к системной технологической и институциональной трансформации.

Во-первых, цифровизация гражданского оборота и «платформенное» право. Предполагается, что в октябре 2026 г. в правовое поле будет введено официальное регулирование деятельности посреднических цифровых платформ. Данный факт предполагает конкретизацию критериев их экономической значимости и уточнение ответственности перед потребителями и партнерами.

Во-вторых, легитимация цифровых активов. На сегодняшний день Конституционный Суд РФ подтвердил защиту прав на цифровую валюту через суд, а следовательно, это дает возможность для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в данном вопросе [2].

В современных реалиях следует акцентировать внимание на развитие правового образования и повышение юридической грамотности. Упрощение доступа к правовой информации и повышение юридической грамотности населения помогут гражданам лучше ориентироваться в своих правах и обязанностях. Однако повысить юридическую грамотность не будет возможным, если не популяризировать навыки работы с автоматизированными системами (смарт-контракты, цифровые платформы госуслуг). Нужно обучать население не просто «букве закона», а умению использовать цифровые инструменты самозащиты (например, автоматизированный досудебный порядок претензий). Правовое образование должно быть направлено на то, чтобы преодолеть «судебный центризм». В этом аспекте важным вектором является популяризация медиации и третейского разбирательства. Население должно понимать, что защита прав – это не всегда многолетний судебный процесс, а поиск взаимовыгодного консенсуса в рамках закона.

В условиях тотальной цифровизации гражданских отношений юридическая грамотность включает в себя и правовую осмотрительность. Люди должны осознавать гражданско-правовые последствия передачи своих данных и совершения конклюдентных действий (кликов) в сети Интернет, которые по гражданскому законодательству РФ

приравниваются к заключению сделок. Акцент нужно смещать на риск-ориентированный подход. Вместо обучения тому, как судиться, правовая политика должна учить субъекты конструировать договоры так, чтобы исключить саму возможность возникновения коллизий. Таким образом, повышение юридической грамотности должно трансформироваться из пассивного информирования в активное формирование компетенций по управлению правовыми рисками в цифровой среде.

Что касается регулирования взаимодействия частного и публичного права, то на современном этапе можно наблюдать тенденцию к взаимопроникновению частного и публичного права. Поэтому важно найти оптимальное соотношение между частноправовыми и публично-правовыми интересами, особенно в комплексных отраслях (например, в сфере социального обслуживания, природопользования) [3, с. 25].

Проблемы, требующие решения:

- деформация правового регулирования, обусловленная пробельностью между социально-экономической динамикой и правотворческой деятельностью;
- неопределенность правового регулирования, выражающаяся в наличии оценочных понятий, бланкетных норм и коллизий, что детерминирует рост судебной нагрузки;
- дефекты вещно-правовой охраны и недостаточность гарантий защиты права собственности;
- дисфункциональность правоприменительных механизмов, в частности, в рамках деятельности Федеральной службы судебных приставов;
- пробельность законодательства в сфере регулирования цифровых правоотношений (например, смарт-контрактов, цифровых активов) и трансграничных имущественных связей.

Таким образом, роль правовой политики в сфере частного права манифестируется в интеграции доктринальных разработок и законотворческой деятельности с целью формирования стратегических векторов развития цивилистического массива [4]. Телеологическая направленность данной политики заключена в максимизации регулятивного потенциала частноправового инструментария, обеспечивающего динамику социально-экономических процессов и углубление межотраслевых связей гражданского права с иными регуляторами. Основу этой деятельности составляет аксиологический подход, базирующийся на постулатах правовой государственности, приоритете

антропоцентрической парадигмы (защита субъективных прав личности) и формировании развитых институтов гражданского общества. Современный вектор развития также детерминирован необходимостью адаптации национальной правовой системы к процессам глобальной правовой унификации и гармонизации частноправовых норм в условиях транснациональной интеграции.

Совершенствование частного права детерминировано необходимостью обеспечения связанности между динамично развивающимися общественными отношениями и нормативной базой. Это достижимо лишь через цифровую трансформацию юридических процедур и укрепление доктринальных основ цивилистической науки.

Список библиографических ссылок

1. Кузюрова Д. Д. Современное состояние и перспективы развития российского частного права // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-rossiyskogo-chastnogo-prava> (дата обращения: 10.01.2026).

2. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: постановления Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision882237.pdf> (дата обращения: 21.01.2026).

3. Вохмин Г. А. О проблемах совершенствования современного российского гражданского законодательства / Общ. научн. ред. Н. Н. Костюка // Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации: сб. науч. ст. из матер. круглого стола (Санкт-Петербург, 16 декабря 2024 г.). СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. С. 23–27.

4. Кузьменко Е. И. Совершенствование российской правовой политики в сфере частного права // Экономика и социум. 2013. № 4-2 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-rossiyskoy-pravovoy-politiki-v-sfere-chastnogo-prava> (дата обращения: 10.01.2026).

Библиографический список

1. Сатушиева, Л. Х. Формирование правовой политики в сфере частного права как основное направление изменения доктрины гражданского права в России / Л. Х. Сатушиева, Т. Т. Махиева, А. А. Жугов, А. О. Кастуева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 6. – С. 239–245. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=156> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Яковлев, В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях / В. Ф. Яковлев // Журнал российского права. – 2016. – № 1 (229). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-chastnogo-prava-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Ярыгин, Д. А. Тенденции развития частного и публичного права / Д. А. Ярыгин // Молодой ученый. – 2024. – № 12 (511). – С. 284–285. – URL: <https://moluch.ru/archive/511/112219> (дата обращения: 10.01.2026).

© Самарский А. Н., 2026

Вещные права на жилые помещения: проблемы реализации

Жилое помещение как объект гражданских прав занимает особое место в российском жилищном и гражданском праве, находясь на стыке частных и публичных интересов. Его двойственная природа, с одной стороны, как дорогостоящей недвижимой вещи, а с другой – как пространства, обеспечивающего конституционное право на жилище, предопределяет сложный и зачастую противоречивый режим правового регулирования. Вещные права на жилые помещения, будучи формально производными от общих положений, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), подвергаются значительной спецификации под влиянием норм жилищного, семейного, а также административного законодательства. Эта специфика порождает множество проблем на практике, затрудняющих полноценную и беспрепятственную реализацию правомочий собственников и обладателей ограниченных вещных прав. Целью настоящего исследования является анализ основных проблемных узлов, возникающих при осуществлении вещных прав на жилые помещения, с позиции современного гражданско-правового доктринального подхода и судебной практики.

Среди целого спектра вещных прав основное место в этой системе занимает право собственности, регламентируемое гл. 16 ГК РФ. Наряду с ограниченными вещными правами, право собственности позволяет владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом в полном объеме. Однако существуют некоторые объекты гражданских правоотношений, относительно которых уже заранее установлено целевое назначение их использования, несмотря на практическое неограничение правомочий в праве собственности. Одним из таких объектов являются жилые помещения, где ограничивающим признаком будет являться целевое назначение.

Согласно п. 3 ст. 288 ГК РФ жилые помещения предназначены для проживания, а размещение в них промышленных производств не допускается. Это базовое ограничение, вытекающее из самой сущности объекта, создает предпосылку для коллизий. Например, использование квартиры под офис, хостел и т. д., даже если это не связано с фи-

зическим изменением конструкции, часто признается судами нарушением целевого назначения, поскольку подобная деятельность систематически нарушает права соседей на благоприятную жилую среду, что подтверждается обширной практикой судов общей юрисдикции.

Таким образом, право пользования жилым объектом (помещением) оказывается сужено не столько законом, сколько необходимостью соблюдения прав и законных интересов иных лиц, что является прямым следствием принципа о недопустимости злоупотребления правом. Как отмечает Е. А. Суханов, специфика жилого помещения как объекта права собственности состоит в его социальной обремененности, которая проявляется в установлении законодательных пределов свободы собственника [1, с. 154].

Особую остроту проблеме реализации права пользования придает институт права пользования жилым помещением членами семьи собственника, регулируемый гл. 18 ГК и ЖК РФ. Ранее действовавшая редакция ст. 292 ГК РФ предусматривала возможность пользования жилым объектом членами семьи бывшего собственника при переходе права собственности на объект. Однако актуальная редакция данной нормы существенно изменила подход – при этом проблема сохраняется для правоотношений, возникших ранее. Это порождает противоречие между правом нового приобретателя (собственника) и правом проживания третьих лиц, которое, будучи по своей природе личным, обладает явными чертами вещной обремененности. Данная ситуация значительно затрудняет оборот недвижимости, поскольку покупатель вынужден учитывать наличие «обременения» в лице посторонних граждан, чье право на проживание может быть прекращено лишь в судебном порядке и при наличии строго определенных оснований. А. В. Коновалов справедливо утверждает, что подобные конструкции, защищая жилищные права социально уязвимых групп, создают значительные риски для добросовестных участников оборота, уменьшая желание приобретения жилья на вторичном рынке [2, с. 89].

Не менее сложным является вопрос о содержании и пределах права общей долевой собственности на жилое помещение. Реализация правомочий собственников, особенно когда их отношения носят конфликтный характер, превращается в трудноразрешимую задачу. В гл. 16 ГК РФ установлено, что владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке,

устанавливаемом судом. Должностные лица, применяя те или иные нормы относительно регламентации права собственности на имущество, стремятся максимально соотнести идеальные доли с реальной площадью, выделяя каждому сособственнику изолированное помещение. Однако это зачастую технически невозможно в стандартных квартирах, что приводит либо к принудительному выкупу доли одним участником у других (ст. 252 ГК РФ), либо к фактическому приостановлению возможности пользования имуществом. Процедура выкупа доли также сопряжена с трудностями, прежде всего, с определением соразмерной компенсации, особенно в условиях высокой вариабельности рынка недвижимости. Кроме того, сама по себе реализация права распоряжения своей долей путем ее отчуждения постороннему лицу осложнена преимущественным правом покупки других участников долевой собственности (ст. 250 ГК РФ), процедура соблюдения которого, как показывает практика, часто оспаривается в судах с целью признания сделки недействительной.

Вместе с тем наиболее пристального внимания требует вопрос, связанный с регламентацией, в частности, права пожизненного наследуемого владения земельным участком, который служит местом расположения того или иного жилого объекта. Несмотря на то, что предмет настоящего исследования выступает реализация вещных прав на жилые помещения, а не на земельные участки, считаем, что рассмотреть их взаимосвязь немаловажно.

Судьба жилого помещения, принадлежащего гражданину на праве собственности, напрямую зависит от режима земельного участка, на котором оно находится. Проблема реализации права собственности на дом заключается в неопределенности правового статуса земельного участка после смерти владельца. Несмотря на то, что дом наследуется на общих основаниях, переход права на земельный участок, особенно в условиях постоянных изменений земельного законодательства, может быть осложнен, что ставит нового собственника дома в уязвимое положение. Более того, действующее законодательство не содержит оптимального механизма принудительного переоформления права пожизненного наследуемого владения земельным участком в право собственности, что создает правовую неопределенность.

Внимания заслуживают и проблемы, возникающие при реализации вещных прав в жилищных кооперативах. Право собственности члена кооператива на квартиру возникает лишь после полного внесения пае-

вого взноса (ст. 129 ЖК РФ). До этого момента за членом кооператива закрепляется сложное по своей юридической природе право, которое одни исследователи характеризуют как обязательственное из договора, а другие – как вещное, сходное с правом застройки. Эта двойственность порождает серьезные затруднения при отчуждении таких квартир, их залоге (ипотеке) и наследовании. Банки крайне неохотно принимают в залог невыкупленные кооперативные квартиры, так как правовой режим объекта залога является неясным, а риск признания сделки недействительной – высоким. Е. Г. Семенова отмечает, что отсутствие четкой цивилистической квалификации прав члена ЖК до полной выплаты пая является существенным пробелом, порождающим судебные споры и ограничивающим оборотоспособность такого жилья [3, с. 112].

Отдельную и крайне важную группу составляют проблемы, связанные с защитой вещных прав на жилые помещения. Наряду с традиционными виндикационными и негаторными исками особую роль играет иск о признании права собственности в порядке ст. 12 ГК РФ. Однако его удовлетворение часто упирается в необходимость преодоления административных барьеров, прежде всего отсутствия или утраты правоустанавливающих документов, несоответствия данных в них современным требованиям, а также наличие правовых рисков, которые могут привести к потере жилья. Суды, зачастую требуют от истца представления неоспоримых доказательств возникновения права, что в условиях широко распространенных мошеннических схем приватизации 1990 гг. или реорганизации юридических лиц (бывших собственников) бывает невозможно.

Весьма спорным и вызывающим некие трудности аспектом выступает принудительное изъятие публично-правовыми образованиями некоторых объектов недвижимости, признанными жилыми, с целью дальнейшего использования их для государственного или муниципального назначения. Проблематичным является вопрос защиты прав лиц, которые обладают правом собственности или ограниченными вещными правами на данные жилые объекты.

Хотя закон гарантирует возмещение рыночной стоимости изымаемого жилья и предоставление другого благоустроенного помещения, на практике оценочная стоимость часто оспаривается собственниками как заниженная, а предлагаемое альтернативное жилье как несоответствующее критериям равноценности. Процедура изъятия, несмотря

на ее детальную регламентацию, зачастую носит односторонний характер, который оставляет собственнику лишь право на судебное оспаривание уже принятых решений, что существенно ослабляет его позицию.

Резюмируя изложенное, полагаем, что определенные коллизии и сложности, связанные с осуществлением права собственности и ограниченных вещных прав субъектов гражданских правоотношений относительно домов, комнат, зданий, комплексов, являющихся жилыми, носят системный характер и проистекают из фундаментального противоречия между необходимостью обеспечения свободного гражданского оборота недвижимого имущества и выполнения жилым помещением своей социальной функции. Правовой режим жилого помещения представляет собой совокупность разноотраслевых норм, которые не всегда согласованы между собой. Противоречия между гражданским и жилищным законодательством, избыточные ограничения, вытекающие из защиты прав третьих лиц (бывших членов семьи), и сложность процедур судебной защиты создают среду, в которой полная и беспрепятственная реализация правомочий собственника или иного титульного владельца зачастую становится труднодостижимой целью. Для преодоления этих проблем требуется не точечное исправление отдельных норм, а комплексный, доктринально выверенный пересмотр подходов к регулированию права собственности и ограниченных вещных прав применительно к жилым помещениям, который предусматривает оптимальную регламентацию прав субъектов гражданских правоотношений, создавая гармонию интересов и позитивный опыт реализации вещных и обязательственных прав в данной области.

Список библиографических ссылок

1. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стер. М.: Статут, 2015. 958 с.

2. Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 299 с.

1. Семенова Е. Г. Вещные права на недвижимое имущество. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. 158 с.

Библиографический список

1. Крашенинников, П. В. Жилищное право : учеб. пособие / П. В. Крашенинников. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2020. – 432 с.
2. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 3.
3. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/?ysclid=mosmrjxbfp797787671 (дата обращения: 10.11.2025).
4. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учебник для вузов / К. И. Скловский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 1016 с.

© Сапрыкина Т. О., 2026

Цветков С. Б.,
Волгоградский институт бизнеса,
Волгоградская академия МВД России

**Достоинства и недостатки Федерального закона
«О занятости населения в Российской Федерации»:
два года правоприменения**

Как известно, в современной России продолжительное время действовал Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». В определенной мере он выполнял важную социально-стабилизирующую функцию в сфере занятости и трудоустройства граждан. Вместе с тем в него регулярно вносились изменения и дополнения. Причин для этого было много, в частности, признавался дисбаланс между двумя ключевыми функциями указанного нормативного акта: социальной поддержки безработных граждан и содействия в трудоустройстве. К главным недостаткам прежнего закона относили мизерный размер пособия по безработице, бюрократию, формализм и оторванность от реального рынка труда, ориентированность положений указанного акта в аспекте поиска работы не на активных и квалифицированных граждан, а на социально уязвимые группы, для которых любая, даже самая низкооплачиваемая работа, является необходимостью. Стало трендом справедливо заявлять, что реформа законодательства в этой сфере, как и всей системы занятости и трудоустройства, давно назрела, а ее новеллы должны быть ориентированы прежде всего на реальные потребности экономики, уменьшение бюрократии, цифровизацию самого процесса, повышение размера пособия по безработице.

12.12.2023 (знаменательно: в День Конституции Российской Федерации) был принят и с 01.01.2024 вступил в силу (за исключением некоторых положений) Федеральный закон № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон), который призван обеспечить растущие потребности экономики в квалифицированных кадрах, сократить безработицу в стране.

Отметим положительные моменты этого акта.

Вступивший в силу Закон направлен на улучшение работы служб занятости, они работают по принципу «единого окна», предоставляя индивидуальную помощь как обратившимся гражданам, так и работо-

дателям. Причем среди обратившихся не только безработные, но и граждане, ищущие работу, в том числе впервые, либо находящиеся под реальным риском увольнения, испытывающие трудности в поиске работы: инвалиды (гл. 7 Закона), предпенсионеры, молодежь (в частности, актуален поиск временной работы несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время), уволенные с военной службы, прежде всего участники СВО (ст. 35 Закона), а также их семьи, беженцы и вынужденные переселенцы, одинокие и многодетные родители и др. Учитывается индивидуальная ситуация каждого гражданина, производится комплексная оценка его профессиональных навыков. Таким образом, сделан акцент на профилактику безработицы.

Определенный эффект можно наблюдать в регионах на примере Волгоградской области. По размещенной информации за лето 2025 г. создан маршрут трудоустройства для женщин предпенсионного возраста; почти три тысячи волгоградских школьников трудоустроились на период летних каникул; предполагается создание регионального Центра деловой активности, который будет функционировать по типу постоянно действующей ярмарки вакансий [1].

Подача заявления в центр занятости населения о признании безработным теперь возможна не только по месту жительства, но и по месту пребывания (ч. 2 ст. 23 Закона). С 01.01.2025 помощь в поиске подходящей работы должна осуществляться на основании индивидуального плана содействия занятости (ст. 26 Закона, далее – план), который формируется органом службы занятости в соответствии с профильной группой гражданина, что представляет собой современный инструмент «проактивной» работы с конкретным соискателем. Составленный на Единой цифровой платформе «Работа в России», план содержит данные о наиболее подходящей работе, датах личной явки в центр занятости и сроках выплаты пособия, а также индивидуальный перечень мер господдержки. Согласование плана с гражданином свидетельствует о том, что гражданин берет на себя обязательство по его исполнению (санкция за нарушение условий плана – приостановление выплаты пособия по безработице на один месяц – в соответствии с ч. 2 ст. 49 Закона).

Расширены и усовершенствованы (по крайней мере, в Законе) меры государственной поддержки (ст. 28 Закона). Так, граждане, желающие заняться предпринимательской деятельностью, вправе получить единовременную финансовую поддержку. Органы службы занятости мо-

гут помогать с переездом, если работа найдена в другом регионе, где есть дефицит с кадрами. Предусмотрена гибкая занятость для безработных: они могут работать по договорам гражданско-правового характера до 5 дней в месяц, не теряя статуса и пособия по безработице (правда, при условии, что доход не превышает МРОТ).

Насущным всегда был вопрос критериев подходящей работы. В настоящее время список критериев, по которым органы службы занятости подбирают подходящую для гражданина работу согласно индивидуальному плану, расширили (ст. 27 Закона): при ее подборе учитываются не только размер предлагаемой заработной платы, но и опыт (в том числе по профессии, специальности, направлению подготовки, должности), форма занятости, удаленность от дома, состояние здоровья, жизненная ситуация, ограничения по здоровью и отдаленность места проживания от работы.

Предусмотрена ежегодная индексация размера минимальной и максимальной величин пособия по безработице (ст. 44 Закона). Усовершенствованы условия выплаты пособия гражданам, работающим по гражданско-правовым договорам, а также индивидуальным предпринимателям, самозанятым гражданам, лицам, прекратившим свою деятельность. Так, ранее бывший предприниматель мог рассчитывать только на минимальное пособие на срок три месяца, теперь учитывается трудовой стаж – при его наличии размер пособия будет назначаться с учетом среднего заработка по последнему месту работы (службы) на срок шесть месяцев.

Актуальными представляются новеллы, направленные на защиту от нелегальной занятости. Предусмотрена гл. 13 Закона, направленная на создание механизмов противодействия теневой занятости, незаконному трудоустройству. Планируется ведение общедоступного реестра работодателей, связанных с нелегальной занятостью.

Важным нововведением является функционал информационной электронной системы взаимодействия работодателей, граждан-соискателей и государственных органов – Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» (гл. 4 Закона). Процесс взаимодействия соискателя со службой занятости поэтапно полностью цифровизируется. Планируется, что через платформу будет происходить формирование и ведение электронного личного дела безработного, а также учетного дела работодателя, осуществляться регистрационный учет и социальные выплаты, формироваться

аналитика по рынку труда и прогнозы его развития. Введены четко прописанные сроки передачи от работодателей информации о любых действиях и событиях, которые так или иначе влияют на рынок труда: о появлении новых вакансий; сокращении численности работников, планировании расторжения трудовых договоров; введении (отмены) режима неполного рабочего времени, простоя; временном переводе работников на дистанционную работу по инициативе работодателя; выполнении квоты для приема на работу инвалидов; ликвидации организации, прекращении деятельности индивидуальным предпринимателем, введении процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве) и т. д. В связи с этим на практике актуально избежать известной по прошлым годам ситуации, когда многие работодатели не размещали информацию о вакансиях в базе центра занятости населения, предпочитая коммерческие сайты по поиску работы (HeadHunter, SuperJob и др.), что делало базу неполной и менее привлекательной для соискателей. Сложилась альтернативная форма занятости – платформенная занятость, под которой понимается гибкий формат включения в рынок труда через онлайн-платформы (цифровые платформы: такси, доставка, маркетплейсы), действующие в качестве посредников между поставщиками услуг (исполнителями работ) и потребителями (клиентами) [2].

Предусмотрены меры поддержки работодателей (ст. 6 Закона). В развитие Закона изданы приказы Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации:

от 29.12.2024 № 2712, утвердивший Порядок предоставления субсидии в целях создания (оборудования) рабочих мест для трудоустройства инвалидов;

от 29.12. 2024 № 2713, утвердивший Решение о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку трудоустройства работников из другой местности или других территорий;

от 29.12. 2024 № 2714, утвердивший Решение о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан (ветеранов боевых действий, принимавших участие (содействовавшие выполнению задач) в СВО, и членов их семей; инвалидов; граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей; лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и ищущих работу в течение одного года с даты освобождения; одиноких родителей, многодетных

родителей, усыновителей, опекунов (попечителей), воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов).

Таким образом, современная концепция занятости и трудоустройства граждан, воплощенная в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации», базируется на следующих основных началах:

1) внедрение адресной государственной поддержки каждому нуждающемуся гражданину и работодателю с учетом их индивидуальных особенностей;

2) важность не только трудоустройства гражданина, но и профилактика рисков безработицы, развитие карьеры и профессиональных навыков.

Вместе с тем есть некоторые вопросы, связанные с применением ныне действующего Закона о занятости.

По легальному определению понятия «занятость». Из буквального толкования п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона следует, что к деятельности граждан, осуществляемой в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг, относится и трудовая деятельность (об этом свидетельствует наличие союза «и»). Но деятельность работников имеет своей целью не достижение уставных целей работодателя, а именно получение дохода в форме заработной платы. Поэтому в указанном пункте следует союз «и» заменить союзом «а также».

Далее. Какое имеет научно-практическое значение легальное определение понятия безработного гражданина, сформулированное в п. 3 ст. 1 рассматриваемого Закона? Достаточно было в ч. 1 ст. 23 того же акта после слов «трудоспособные граждане» добавить слова «Российской Федерации».

В новом Законе имеются повторы, например, в ч. 5 ст. 22 и ч. 4 ст. 23.

Действующий Закон пока не может в полной мере учесть особенности современной экономики с ее новыми формами занятости. Поскольку в нем отсутствуют определения понятий платформенных занятых и самозанятых (они упоминаются в ст. 28 Закона), правовой статус этих категорий не установлен, что влечет недостаточную защиту их прав.

Федеральный закон предусматривает мероприятия, которые потенциально могут ограничить свободу выбора безработных, привести к снижению доверия к органам службы занятости и оттоку граждан.

Так, указанный акт ужесточает правила отказа от предложенных вакансий (возможно, не более двух раз), что является основанием отказа признания гражданина безработным (пп. 10 и 13 ч. 1 ст. 24), снятия его с регистрационного учета (пп. 8 и 11 ч. 1 ст. 25), также устанавливаются ограничения на доход от гражданско-правовых договоров, который не должен превышать МРОТ, чтобы сохранить статус безработного (ч. 4 ст. 49).

По-прежнему низок размер пособия по безработице. Согласно ст. 44 Закона размер минимальной величины пособия по безработице составляет 1 500 руб., а размер максимальной величины по Закону 12 792 руб. Даже с учетом ежегодной индексации они составляют с 01.02.2025 соответственно 1 764 руб. и 15 044 руб. Эти суммы крайне малы для проживания в большинстве регионов России, что сводит социальную функцию пособия к минимуму. Для сравнения величина прожиточного минимума трудоспособного населения: в целом по России 19 329 руб., в Волгоградской области – 16 623 руб.

Список библиографических ссылок

1. Работа России. URL: www.trudvsem.ru/czn (дата обращения: 22.09.2025).
2. Коршунова Т. Ю., Моцная О. В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 79.

© Цветков С. Б., 2026

Проблемы защиты персональных данных работников

В эпоху стремительного развития цифровизации защита персональных данных работников является ключевой задачей для обеспечения безопасной реализации трудовой функции. Данное явление обусловлено необходимостью обеспечения контроля, эффективности, а также безопасности со стороны работодателя. Однако указанная необходимость противоречит таким конституционным правам, как неприкосновенность частной жизни [1, с. 442]. Актуальность затронутой темы обусловлена преобразованием трудовых отношений, которое характеризуется повсеместным переходом на дистанционный формат работы. Риски несанкционированного доступа к персональным данным повышаются ввиду стирания существующей границы между рабочим и личным пространством действующего работника. Целью настоящего исследования является выявление и анализ ключевых аспектов, касающихся регулирования сферы защиты персональных данных. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить и классифицировать основные проблемы, при которых интересы работодателя на обработку данных напрямую сталкиваются с правами работника на защиту частной жизни; 2) сформулировать практические рекомендации для осуществления легитимной системы защиты персональных данных работника; 3) обозначить ответственность, наступающую в случае несоблюдения соответствующих правил для обеспечения защиты.

В 2025 г. были внесены изменения в Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ, который непосредственно регулирует затронутую область [2]. Поправки ужесточили ответственность за нарушение законодательно закрепленных правил, а также усложнили требования к обработке данных работников. Законодатель предусмотрел значительное увеличение штрафа как вида административной ответственности для организаций и должностных лиц в случае обработки персональных данных, не предусмотренных законом, либо же не соответствующих целям сбора. Помимо прочего, в 2024 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации появилась статья, которая предусматривает ответственность за незаконное использование

и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные [3]. Однако в настоящий момент все еще возникают ситуации, при которых права работника на защиту частной жизни и персональных данных сталкиваются с интересами работодателя на реализацию рабочего процесса и контроль во всех областях выполнения трудовой функции. Рассмотрим эти ситуации более подробно.

1. Наиболее распространенной является ситуация, при которой работодатель с целью отслеживания трудовой активности работника устанавливает соответствующую систему на корпоративный компьютер. Данная система позволяет фиксировать количество активных часов, в том числе просматривать рабочую почту, а иногда даже прослушивать переговоры. Современные технологии настолько быстро развиваются, что в настоящее время у работодателя есть возможность делать скриншоты с компьютера и осуществлять мониторинг нажатия на клавиши. Совокупность полученной информации, в том числе относящаяся к персональным данным, утечка которых способна навредить работнику.

2. Работодатель активно борется за репутацию компании, иногда даже прибегая к мониторингу социальных сетей работника. В данном случае ввиду неурегулированности вопроса зачастую возникают споры. Важно отметить, что личное мнение работодателя о неприемлемости публикуемых в свободное от работы время материалов носит довольно субъективный характер.

3. Следует подчеркнуть активное внедрение биометрических данных, несанкционированная утечка которых носит наибольшую опасность для работника. К числу таких можно отнести отпечатки пальцев и сканирование лица для входа на территорию организации. До сих пор наиболее остро стоит вопрос о хранении и защите указанных данных, поскольку их утрата может повлечь непоправимые последствия. Ведь утечка пароля от компьютера несопоставима с ситуацией, при которой биометрические данные по сканированию лица окажутся у злоумышленника. В дальнейшем он, в свою очередь, может использовать эти данные для достижения корыстных целей в неограниченном количестве.

4. В соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) и Приказом Минздрава России от 28.01.2021 № 29н работники проходят медицинский осмотр, результаты которого

в дальнейшем хранятся у работодателя [4]. Это создает риск утечки или передачи информации посторонним лицам с последующими негативными последствиями для работника. Медицинские данные напрямую относятся к персональным данным, поскольку под такими данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Учитывая недавнюю пандемию, после которой активно стали использоваться тесты на COVID-19 и применяться вакцинация, работодатель имеет доступ к предоставленной документации о проведении указанных процедур. В этой ситуации работник в очередной раз сталкивается с риском утечки информации о состоянии здоровья.

Во избежание подобных ситуаций должны быть выработаны определенные рекомендации, позволяющие работодателю находиться в рамках правового поля, а работнику, в свою очередь, не беспокоиться о том, что персональные данные могут подвергнуться несанкционированному воздействию. Для сбора той или иной информации нужно, во-первых, обеспечить на должном уровне их дальнейшую защиту. Доступ к информации должен быть строго ограничен, а в случае передачи следует обеспечить шифрование. Помимо прочего, важно составить базовый минимум данных, который действительно нужен для осуществления работником трудовой функции, не требуя лишней информации. К тому же считается важным повышать уровень правовой грамотности самого работника, который при подписании трудового договора зачастую не понимает, что именно подразумевается под фразой «согласие на обработку персональных данных». Необходимо требовать отдельное согласие на обработку биометрических данных и медицинских заключений.

Универсально предусмотрено, что за нарушение действующего законодательства наступает та или иная ответственность. Несанкционированная утечка, разглашение и сбор персональных данных не стали исключением. Статья 81 ТК РФ предусматривает расторжение трудового договора по инициативе работодателя, в случае разглашения охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника. Помимо увольнения, работник может быть привлечен к другим видам дисциплинарной ответственности, преду-

смотренным ТК РФ, например, замечанию или выговору. Гражданско-правовая ответственность предусматривает возможность работника, чьи права на защиту персональных данных были нарушены, взыскать с работодателя компенсацию морального вреда, а также потребовать возмещения убытков. Переходя к уголовной ответственности, важно отметить наличие гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» в УК РФ. Указанная глава предусматривает санкции за совершение преступлений, посягающих на защиту персональных данных, максимальное наказание за совершение которых может достигать до десяти лет лишения свободы.

Подводя итог, важно отметить, что защита персональных данных является актуальной проблемой на сегодняшний день. Ее решение является не разовой задачей, а представляет собой непрерывный процесс. Резюмируя вышеуказанное, необходимо сделать следующие выводы:

- 1) выявлены и классифицированы основные проблемы защиты персональных данных;
- 2) разработаны практические рекомендации для дальнейшего осуществления защиты указанных данных;
- 3) обозначена ответственность за несоблюдение правил по обращению с комплексом информации, относящейся к персональным данным.

Список библиографических ссылок

1. Шаронов С. А., Рыженков А. Я. Трудовое право России: учебник для вузов / Под общ. ред. С. А. Шаронова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 448 с.

2. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.10.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.10.2025).

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.10.2025).

Библиографический список

1. Кадомец, К. С. Защита персональных данных с помощью шифрования / К. С. Кадомец // E-Scio. – 2023. – № 5 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-s-pomoschyu-shifrovaniya/> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа: справ. информация – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980/ (дата обращения: 27.10.2025).

© Чистякова С. Е., 2026

Юридическая техника и язык права: проблемы обеспечения определенности и ясности правовых норм

Качество законодательства напрямую зависит от того, насколько грамотно применяются правила юридической техники и насколько точен юридический язык изложения нормы. В современной России проблема неопределенности законов стоит остро – суды вынуждены толковать противоречивые положения, граждане не понимают смысла нормативных актов, а правоприменители сталкиваются с невозможностью однозначной квалификации. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал: правовая норма должна быть сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей предвидеть последствия своего поведения [1]. Между тем законодатель нередко игнорирует подобные требования к конструированию текстов. Результат – системные дефекты правового регулирования.

Юридическая техника охватывает совокупность правил, приемов и средств подготовки, оформления и систематизации правовых актов [2, с. 35]. Законодательная техника как разновидность юридической техники направлена на создание нормативных документов высокого качества. Язык права при такой конструкции выступает инструментом выражения государственной воли – сочетать точность с общедоступностью здесь сложно, хотя задача именно такая.

Специфика правового языка проявляется неоднозначно. Терминологическая строгость требует, чтобы каждое понятие имело устойчивое значение в пределах одного акта или отрасли законодательства. Императивность формулировок означает, что норма предписывает, запрещает или дозволяет конкретное поведение. Разночтения должны быть минимизированы. Формализованность структуры предполагает деление на статьи, части, пункты по определенным канонам.

Принципы определенности и ясности закреплены в правовых позициях высших судов, однако понимаются по-разному. Определенность означает, что норма сформулирована настолько четко, что исключает произвольное толкование и применение [3, с. 381]. Ясность предполагает доступность содержания для адресата – человек должен понимать, какое поведение от него требуется [4, с. 295].

Впрочем, юридическая доктрина признает: абсолютной определенности достичь невозможно. Законодатель вынужден использовать абстрактные категории для регулирования разнообразных жизненных ситуаций. Здесь начинаются разночтения.

Терминологический хаос – одна из главных причин неопределенности. Законодатель вводит понятия без легальных дефиниций, применяет один термин в различных значениях, заимствует иностранные слова без адаптации. Понятие «электронный документ» в гражданском, налоговом и архивном законодательствах имеет разное содержание. Категория «жилое помещение» в Жилищном кодексе и градостроительных нормах толкуется неодинаково.

Структурные дефекты нормативных актов создают коллизии и пробелы. Законы нередко содержат противоречивые положения – одна статья разрешает то, что другая запрещает. Бланкетные нормы отсылают к подзаконным актам, которые либо не приняты, либо противоречат базовому закону.

Обилие отсылочных конструкций превращает понимание нормы в бесконечный переход к документам. Чтобы уяснить ее смысл, приходится изучать десятки других документов. Практикующие юристы тратят массу времени на выстраивание цепочек нормативных связей.

Оценочные понятия – необходимый элемент правового регулирования, но их чрезмерное использование разрушает определенность. Такие формулировки, как «разумный срок», «существенное нарушение», «уважительные причины» оставляют широкое усмотрение правоприменителю. Допущение таких конструкций спорно.

С одной позиции, законодатель не может предусмотреть все варианты развития событий и потому вынужден прибегать к подобным оборотам. Иной взгляд подчеркивает: отсутствие критериев конкретизации порождает разночтения. Синтаксическая перегруженность текстов делает их неприменимыми.

Предложения растягиваются на несколько строк, включают множественные придаточные конструкции, причастные и деепричастные обороты. Попытка вместить всю регламентацию в одну фразу приводит к тому, что даже профессиональные юристы прикладывают усилия, чтобы сохранить понимание логической цепочки. Между тем краткость не противоречит точности, а наоборот – усиливает ее.

Доступность правовых текстов для рядовых граждан значительно затрудняется. Презумпция знания закона предполагает, что каждый

обязан знать требования нормативных актов. Неподготовленный человек, читая закон о долевом строительстве или об обязательном медицинском страховании, сталкивается с массой терминов и отсылок. Баланс между юридической точностью и общедоступностью нарушен в пользу первого.

Для правоприменительной практики неопределенность норм обрачивается правовыми пробелами. Судьи, толкуя неоднозначные формулировки, приходят к противоположным выводам по однотипным делам. Для правовой системы в целом такое положение дел означает кризис легитимности законодательства. Граждане перестают доверять закону, если не понимают его содержания или видят, что нормы применяются произвольно. Эффективность регулирования падает – даже добросовестные субъекты не могут соблюдать требования, которые сформулированы неоднозначно.

Совершенствование правотворческого процесса должно начинаться с обязательной лингвистической и юридико-технической экспертизы законопроектов. Сейчас такая проверка зачастую носит формальный характер. Заключение экспертов часто игнорируются. Антикоррупционная экспертиза должна выявлять не только коррупциогенные факторы, но и нормы, создающие почву для злоупотреблений из-за неопределенности формулировок.

Создание официальных юридических словарей и баз данных легальных определений поможет унифицировать терминологию. Законодатель обязан перед введением нового термина проверить, не используется ли он уже в другом значении в действующем законодательстве. Толковательные акты высших судов должны систематизироваться и учитываться при подготовке новых законопроектов.

На современном этапе развития государства, цифровизация законодательства открывает новые возможности. Системы автоматизированной проверки текстов на соответствие правилам юридической техники уже существуют и применяются в некоторых странах. Программы анализируют длину предложений, выявляют противоречия, проверяют согласованность терминологии. Визуализация норм через схемы и алгоритмы помогает понять логику регулирования. Справочные правовые системы должны не просто предоставлять тексты, но и раскрывать связи между нормами, объяснять их смысл. Технологии искусственного интеллекта способны выявлять коллизии на стадии подготовки проекта.

Зарубежный опыт также заслуживает внимания. В странах Европейского Союза действуют программы plain language – упрощения языка законов для лучшего понимания гражданами [5, с. 30].

Таким образом, проблемы обеспечения определенности и ясности правовых норм носят системный характер и требуют комплексного решения. Низкое качество юридической техники и небрежность к языку законов подрывают основы правового государства, порождают произвол и правовой нигилизм. Совершенствование законодательного процесса, ужесточение требований к текстам нормативных актов, использование современных технологий контроля качества – необходимые шаги на пути к созданию понятного и определенного законодательства.

Список библиографических ссылок

1. По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П // Российская газета, № 92, 26.04.2008.
2. Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. К вопросу об истории становления феномена юридической техники // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 34–41.
3. Соболева А. К. О некоторых лингвистических и экстралингвистических проблемах конкретизации законодательства // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород. 2009. С. 374–393.
4. Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 293–308.
5. Коренева-Антонова О. Б. Необходимость применения упрощенного языка в юридической административной коммуникации, в устном и письменном переводе и его испанско-немецко-русской терминологии // Речевые технологии / Speech Technologies. 2022. № 1. С. 28–48.

© Яловенко Т. В., 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Агибалова Елена Николаевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: agibalovaen76@mail.ru.

2. Бабушкина Ольга Вячеславовна, главный специалист-эксперт отдела развития цифровых сервисов для избирателей Департамента развития инфраструктуры электронного правительства Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, студент 2 курса магистратуры юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: o.babushkina1270@gmail.com.

3. Батурина Наталья Игоревна, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.

4. Белова Олеся Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: belova.oa@list.ru.

5. Большаков Александр Павлович, доцент кафедры частного и публичного права Волгоградского института бизнеса, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: alex.bolshakov2014@yandex.ru.

6. Буторин Кирилл Олегович, студент Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: bko20030701@mail.ru. Научный руководитель: Канцер Юрий Александрович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук. E-mail: yurikantser@mail.ru.

7. Гончарова Дарья Анатольевна, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат филологических наук. E-mail: goncharovadasha2012@yandex.ru.

8. Губанова Виктория Владимировна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России. E-mail: viktoriagub@mail.ru.

9. Дегтярев Сергей Леонидович, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: dsl001@mail.ru.

10. Джафарова Афгана Алигусейновна, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России. E-mail: emil55576@mail.ru.

11. Жуланов Александр Владимирович, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук. E-mail: sandrik111@mail.ru.

12. Золин Иван Юрьевич, адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России. E-mail: olzolin2016@yandex.ru.

13. Игбаева Зульфия Римовна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Ufa.zulfiya@yandex.ru.

14. Игамбердиева Регина Ильдаровна, студент магистратуры Волгоградского института бизнеса. E-mail: igamberdievaregina9@mail.com.

15. Иловайский Игорь Борисович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dominno@rambler.ru.

16. Кагазежева Жанна Муратовна, курсант Волгоградской академии МВД России. Научный руководитель: Самарский Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России. E-mail: samarsky_an@mail.ru.

17. Кайль Янина Яковлевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, директор Центра бесплатной правовой помощи Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yanika@bk.ru.

18. Канцер Юрий Александрович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук. E-mail: yurikantser@mail.ru.

19. Кальченко Наталья Викторовна, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kalchenko_nv@mail.ru.

20. Каплунова Наталья Алексеевна, помощник нотариуса города Волгограда Пенской Наталии Алексеевны. E-mail: NATmj@inbox.ru.

21. Коверченко Иван Игоревич, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: vankover@rambler.ru

22. Котельников Николай Васильевич, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kotelnikov2612@yandex.ru.

23. Крылов Максим Владимирович, старший преподаватель кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат педагогических наук. E-mail: krylov-maxim1@mail.ru.

24. Никулина Алевтина Викторовна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: alik-112@yandex.ru.

25. Печерская Дарья Ивановна, курсант Волгоградской академии МВД России. Научный руководитель: Батурина Наталия Игоревна, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.

26. Попова Ксения Александровна, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат социологических наук. E-mail: vspu.kalashnikova@yandex.ru.

27. Самарский Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академий МВД России. E-mail: samarsky_an@mail.ru.

28. Сапрыкина Татьяна Олеговна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России. E-mail: tatochka-99@mail.ru.

29. Тронева Марина Сергеевна, юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «Альянс», студент магистратуры Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС. E-mail: marina202511@yandex.ru.

30. Цветков Сергей Борисович, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права Волгоградского института бизнеса, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tsvetkov.1954@mail.ru.

31. Чистякова София Евгеньевна, курсант Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. E-mail: sofiya.chistyakova.2019@mail.ru. Научный руководитель: Шаронов Сергей Александрович, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации. E-mail: sharonov345@mail.ru.

32. Яловенко Татьяна Васильевна, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: hodareva.1986@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Агibalова Е. Н.

Трансформация обязательственных
правоотношений под влиянием цифровых технологий 3

Бабушкина О. В., Иловайский И. Б.

К вопросу об определении ветеринарной услуги 8

Батурина Н. И.

Гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства
и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел 12

Белова О. А.

Наследование выморочного имущества 18

Большаков А. П., Игамбердиева Р. И.

К вопросу о гражданско-правовой ответственности
за злоупотребление субъективными правами 22

Буторин К. О., Канцер Ю. А.

Оказание предпочтения одному
из кредиторов перед другими кредиторами
как основание для оспаривания сделки должника 30

Гончарова Д. А.

Соотношение права и морали в цифровую эпоху:
новые границы 34

Губанова В. В.

Правовая природа межотраслевого института
правовой цензуры и его роль в обеспечении защиты
личности, общества и государства от деструктивного
информационного воздействия 41

Дегтярев С. Л., Золин И. Ю.

Гражданско-правовая ответственность органов государственной власти за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу граждан или организаций при противодействии беспилотным воздушным судам	46
---	----

Джафарова А. А.

Административная преюдиция в механизме криминализации: проблемы правовой определенности и соразмерности ответственности	55
---	----

Жуланов А. В.

Публикация частного права: вынужденная мера или угроза автономии воли?	60
--	----

Игбаева З. Р.

Спорные вопросы применения административного ареста в контексте реализации принципов справедливости и соразмерности	64
---	----

Иловайский И. Б., Тронева М. С.

Правовая природа договора комплексного развития территорий – проблемы правовой квалификации	68
---	----

Кагазежеева Ж. М.

Развитие института брака в современном российском законодательстве	72
--	----

Кайль Я. Я.

Возражение на экспертное заключение в гражданском и арбитражном процессах	77
---	----

Кальченко Н. В.

Общественный интерес как социально-правовая категория	81
---	----

Каплунова Н. А.

Протоколы в нотариальном производстве и гражданском судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ	85
--	----

Коверченко И. И.

Особенности правового регулирования
цифровых платформ: настоящее и будущее 90

Котельников Н. В.

Способы самозащиты интеллектуальных прав 93

Крылов М. В.

Защита жилищных прав участников
специальной военной операции 98

Никулина А. В.

Проблемные аспекты содержательных
компонентов охранной деятельности
как разновидности предпринимательства 108

Печерская Д. И.

Актуальные проблемы компенсации морального вреда,
причиненного при совершении преступления
по статье 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 113

Попова К. А.

Искусственный интеллект как объект
гражданского права: частные и публичные аспекты 118

Самарский А. Н.

Совершенствование частного права
как приоритет правовой политики в современной России 122

Сапрыкина Т. О.

Вещные права на жилые помещения: проблемы реализации 127

Цветков С. Б.

Достоинства и недостатки Федерального закона
«О занятости населения в Российской Федерации»:
два года правоприменения 133

<i>Чистякова С. Е.</i>	
Проблемы защиты персональных данных работников	139
<i>Яловенко Т. В.</i>	
Юридическая техника и язык права: проблемы обеспечения определенности и ясности правовых норм	144
<i>Сведения об авторах</i>	148

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 31 октября 2025 г.

ВЫПУСК 18

Редакторы: *Е. А. Хоршева, С. А. Пан*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 30.06.2026. Объем 1,16 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 29.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.